

ВАЙНАХ

Литературно-художественный журнал

2. 2017 (Эл. версия)

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики по
национальной политике,
внешним связям, печати
и информации.

Адрес учредителя/издателя: 364051
г. Грозный, Бульвар Дудаева.
Дом Радио

Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в
сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций
05 февраля 2014 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхиев

Рукописи принимаются редакцией
в первом и втором экземплярах, а
также на электронных носителях.
Рукописи не рецензируются и не
возвращаются.

Адрес редакции: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

<http://www.vaynah.at.ua>

<http://www.j-vaynah.ru>

Печатная версия журнала
выходит один раз в квартал,
электронная – ежемесячно. 16+

Журнал набран на
компьютерной базе ГУ
«Литературно-художественный
журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,
ул. Интернациональная, 12/35

Дата выхода в свет:

20.02.17

В случаях полиграфического
брака обращаться в типографию,
указанную в выходных сведениях
журнала.

Тираж – 1000 экз.

Свободная цена

Заказ № ____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Муса БЕКСУЛТАНОВ. *Ас собар дийр ду*. Дийцар.....2

Хаваж ЦИНЦАЕВ. *Генара захало*. Рассказ-быль.....17

Малика МУСАЕВА. *Исмаъ Гал*. Дийцар.....27

ЮБИЛЕЙ

*К 200-летию Айбулата Константина Михайловича
(Айбулата-Розена)*.....6

ПОЭЗИЯ

Хава ГАГАЕВА. *И шел дождь*. Стихи.....11

ДЕБЮТ

Заур ГАНАЕВ. *Погляжу в глаза твои, двойник...*
Стихи.....13

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. *Концепт-стереотип
как способ фиксации в языке
национального характера*.....40

ПУБЛИЦИСТИКА

Мухмет АМИРОВ. *Долгая дорога домой*. Очерк.....48

ГИЛЛАКХ-ОБЗДАНГАЛЛА

Муса АХМАДОВ. *Нохчийн гиллакх-обздангалла.
Гтаьхье. Юьхь еша №№3-4 – 11-12 (2016)*.....57

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....54

Бексултанов Муса**Ас собар дийр ду**

Дийцар

– Зудабераш! – тlох-тlох-тlох! – со неl туоха ца кхуьура:

– Дац бепиг! – комната чурьа шийла мохь сан лере кхочуш.

Массехазза хуьлура иштта оцу цхьана буса:

– Маса сахьт даьлла хайй хьуна!? Сахьт доллуш доллу хьуна буйьсана! – барт бича санна, массара а, буйьсана даьлла сахьт а дуьйцуш.

Чlагlонаш мел йинера хlоразза а, хlора буса еш, кхана-м, Дала мукьлахь, lуьйрре эца а эцна, булка бепиг дlа-м юьллур ю хьуна ас занятешка вахале, олуш, суо сайна оьглаз а оьхуш.

Сахилча юха дицлора-кх, юкьарчуlойлин столови чохь, ткье пхийтта кепеках – дависа, ма хан а хиллера! – цхьа котлет, картолан пюрей, ши цастар бепиг, какаон стакий хьайн дегlах дlа а тоьхна, поп а бухабоккхур бар-кх ас хlинца, аьлла, хиэташ, хьо гlантара хьалагlаьттича.

Кхин синкьерам университетехь а ма бацара – дешарца боху ас, вуьштта, зудабераш -м шортта дарий-ц, Париже подиуме даха кечделча санна, цхьаь кхечух ешаш а йоцуш, со ца гучуьн ши бlаьрг болийла, аьлча санна, сетташ хьийзаш.

Тхан групперчу ткье пхий стагах, lаьнан сесси дlаяьлча – факультет филологически яра тхан, – ворхl стаг дlаваьккхира, пхи йол, ши кlант, цхьа Дела орца тоьлла, со виса а вуьсуш.

Оьрсийн меттан хlора а урокехь, хьехархоцо Опришко Анна Семеновнас:

– Адамов, ты дальше первой сессии учиться не будешь, – «кхаь» боккхура соьга, соьга санна кхечаьрга а; цуьнан буйнахь оха ши де хьалха языйна диктанташ хуьлура, цlечу шекьанца кьарзийна гуш.

– Хорошо, Анна Семеновна, спасибо вам, что не забываете меня предупредить, – олура ас, вела а лой, кийрахь зу ехкаш санна, лазар а хьодуш.

Сан-м велча а бехк бацара, лазар хьаьдда а ца lаш – соьга хьобжуш жа дара лам чохь, тхан дас lедална кьайлаха лелош болу ялх-ворхl бlе уьстагl, пхеалгlачу класе хьалаваьлча дуьйна схьа хlора а аьхка ас дажош хилла жа, бал а, туьрк а, комар а я цlазам а ца гуш цу ехачу аьхкано.

Хlаь, жа дара соьга хьобжуш, мостагl санна, клелахевшина, Сирратан тlай хилла дуьхьал баьлла и гlазкхийн мотт а болуш.

Оха бархl- исс стага – арифметика тетрадан йий агlо йолчу кехата тlехь ткье пхий-ткье иттанна тlера кхузткье итт, девзткьа а гlалат доккхура диктантана.

Сан уггар а дукха гlалаташ ткье исс дара, дуьхьара языйнчу диктантана, цул тlаьхьа юха, сесси тlекхочуш, зачетана языйнчу диктантана ялх гlалат бен а доцуш.

Со суо сайх цецвелира, сайна хезначух ца тешаш.

Анна Семеновнас, урокана чохьхайоллушехь, буйнахь тхан зачетни диктанташ а лестош, гуттар а санна:

– Адамов, – аьлла, сайн памилы ма-ьяккхи:

– Хорошо, понял... все, дальше не учусь, – элира ас, айса даима еш хилла забарьян а ца хlуттуш – сан бlаьрса кхоьлинера.

– Нет- нет, Адамов, ты получаешь механический зачет, у тебя всего шесть ошибок, это успех, – елаелира хьехархо, – я тебя поздравляю, – олуш.

Со ца тийшира.

Со 1адийча санна висира, вела веза я велха веза а ца хууш: кхетам бен, дег1 дан а дацара сан оцу м1аьргонна – суна жа т1аьххъара гира цу дийнахъ, цул т1аьхъа кхин цкъа а ца ган.

Жимма юхавоьрзуш аьлча, г1азкхийн меттан мел йолу правила – цкъа тасавалар а доцуш, – ерриш а дагахъ д1аюьйцира ас, цара бохучу эха-эханах цхъа а тайпа кхетам а боцуш, диктантана г1алаташ – хьалхачул дукха ца хилахъ, кхин к1езга а ца нислуш: суна мотт ца хаьара, г1азкхийн мотт.

Т1аккха, дог а даьтг1а, и правилаш д1а а тесина, накъосташа язъечунна т1ехежа х1оьгтира со, г1алаташ кхин а алссам а довлуш.

Юха со киншкаш еша волавелира, романаш, жимчохъ дуйна яздархо хила ойла йолуш хилла волу, цкъа хьалха спортсмен а хилла, – чемпион СССР по вольной борьбе, «Ленинан некъ» газета т1ехъ «парг1ата охъатохарх латар» олура цу спортгах.

Ас шина дийнахъ мел йоккха а роман чекхйоккхура йоьший, ворх1-барх1 б1е аг1о йолу – сан ц1а ваха йиш яцара, д1а а ваьккхина.

Ц1ахъ да вара, борз санна 1аш, уьстаг1ана ка туоха кечъелла борз санна, со лам чу хьалавадо.

Суна Бальзак тайра ч1ог1а, айса боьшучех, цунна т1аьххье Мопассан а везалуш, юха – Флобер а, къаьсттина цуьнан «Синхаамаш кхиор» ц1е йолу роман.

Бакъдерг аьлча, ишколехъ дуйна со цецваьккхинарг – ч1ог1алла хилла а ца 1аш, авторан жималла а – «Вайн заманан турпалхо» роман яра, Лермонтов бохучу цу бери язйина йолу, Мэрига сан безам а боьдуш.

И роман ас ерриг а – буьйсанащкахъ, студенташ д1абийшича, – юкьара1ойлин «Красный уголок» олучу комната чохъ сайн куьйга юхаязйира, правилех г1уллакх ца хилча, б1аьрсица мукъна а г1азкхийн меттан и дешнаш сайн изсехъ сацо г1ерташ.

Цу дийнахъ, зачетана диктант йолаеллачу дийнахъ, массо а водуш йолчу хьалхарчу парти т1е, Анна Семеновнина дуйххъала охъахиира со, цо олу х1ора а дош схъалаца дагахъ, сацо, уьссаза сайн кхетамехъ литта, «Во что бы то ни стало» боху ялх дош дагахъ а доьшуш, д1аяханчу диктантана шиь х1оттор бахъана и дешнаш хилла дела – ас царех кхо дош динера, ялх хила дезачохъ.

Суна зачет механически кхайкхийра ши де даьлча, ялх бен г1алат а доцуш.

Иза бакъ а дара, ца тешшала харц а долуш: сан сица маршонан мукъам бийкира цу дийнахъ – Хилдехъарчу, Т1ерлойн, Б1овларчу, Нашхойн лаьмнийн 1одика еш, 1уьнан г1аж д1а а кхоьссина.

Амма, маржа, цу лаьмнаша, цу жаша, цу 1уьнан г1ожо, ас айса-сайца кхехъначу цу цхьалхачу аьхкенаша, со дас жехъ валларо а делла хилла хиллера-кх дерриг а суна, я тахханалц диснарг а соьца – со суо сайх тера висар, сайн амалца, ойланца а.

Хастам-кх хьуна сан да, суна да хилла ца 1аш, сан мостаг1 а, доттаг1 а хилла!

Со х1етахъ кхийтира, муьлхха а цхьамма дина х1ума – шех тешшала лаам а болуш, кхин стаг д1аг1оьртича, – хьаьнгга а иштта далур дуйла.

Со яздан волавелира, спорт карла а яьккхина, ишколехъ волуш дуйна схъа, къуьнан къола санна, айса къайлахъ лечкъийнарг гучудоккхуш, сайна безачу яздархошца къовсавала болчу лаамца – толам баккхар ца хилахъ, церан мог1аре х1отта мукъна а.

Со нехан романаш т1ехъ воьлхура, д1аюьдучу нанна т1аьхъа доьлху бер санна, дуйххъара санна уьш кхин цкъа а эшалург цахиларх йолчу г1айг1анна воьлхуш, церан инзаречу говзаллина – ирс шозза хуьлуш ца хиллера, цхъана меттахъ цкъа хилла ирс, циггахъ кхин шозлаг1а – цкъа а!

Со иштта – карийна а далале – ирсах туьлуш къеквелира, Хемингуэйца, Бунинца, Айтматовца, Хименесца, Кнут Гамсунца, Мачадоца кьябсташ, кхиниш лобхуш, вуйш кегош, Дэвид Селинджеран «Над пропастью во ржи» повестах воккхавеш, Трумэн Капотен «Завтрак у Тиффани» а.

Со хийлазза аравоккхура лекцешкара, киншка йобшуш гучу а волий, цкъа цъхана экзаменехь – история философии – Юрий Казаковца зовкх хьобгучохь, хьехархочо шиь а х1оттош.

Юха кхозлаг1чу курсехь, б1аьста, охъатохарх латарехь Республикин чемпион а х1обттина – газета т1ехь дара сан сурт, – лекцина т1аьхьа вуйсуш – чуван мегий? – не1 а тоьхна, со чохъываьлча:

– А кто посмеет вас не пустить, вы же у нас чемпион! – лектора аьлча, цецъяьлла сайга хьяьжначу йоб1ан боккха ши б1аьрг лезира-кх сан, пурх шикхо сиз хьяьддачу цуьнан логах са а хьяьгаш...

Ми, хьол деза х1ума дацар-кх сан, кьинт1ераялахь суна, хьайца массо а кьинт1ера йоккхуш, сан лезнарш, безнарш сан, 1одика йоцуш биснарш а сох – х1ара дуьне эшо г1аьттинчу суна цъха х1ума ма ца гуора, яздархошца йолу яхь бен, сайн цаьрца болу кьовсам а...

Со ийшира, дуьне сол туола а тулуш, шу а дайра сан шерашкахь – сох гений а ца хилира, Лермонтов а, Китс а я Рембо а санна – шайн шерашца уьш санна, – со царел кьанвелира, ткъе итт шарал т1ех а волуш.

Амма ас яз-м йора х1етте а, цкъа мацца а, мацца а бохуш, сайн сих дог ца кхарддал, дош дашах летош, дош делхош, чехош, сибрехула ваьлла лелачу цу барх1-исс шарахь, наха ахча гулочохь, киншкаш бен, кхин ирс а доцуш, уьш ийеш, гульеш, посылкашца ц1а туйсуш, цаьрца бен синкьерам я воккхавер а ца хаалуш.

– Нана яла хьан, – олура нанас, со 1ай ц1авеьча – посылка еьна, аьлла, почте а яхана, даш санна еза яшка а йохуш, чуеьча, ма вон дог хуьлур-кх сан... воккха маца хир ву-те хьо! – олий.

Суна сайн г1аланаш дагаохура, и библиотекаш а, и туканаш а, «Книги» аьлла, лакха яздина хилла йолу.

Новосибирск, маржа, ма гуьйре юлур-кх цигахь, к1айн декхнаш ц1арах догуш, ц1еран вай даьлча санна, ц1еран заза к1айчу декхнех...

Кызылехь, г1ала хадош, дезза кирчина Енисей; Барнаул а, хийлаза летта. Хақасин мехаш а шийла...

Йочана санна, таь1на Рубцовск, юха Новокузнецк а, и мотель а цигахь хилла, милицех летар а сайн, т1аккха цигарчу 1едалх ведда, кхойтта сахьтехь электричкица цаевзачу г1ала кхачар а...

Ма дукха дара-кх, дукхе-дукха, ас ийдина и некъаш, дуьне довза, адамаш ган, сайн амал зен хьяьдда, и г1аланаш а сан букьат1ехьа, кеманаш а сан, ц1ерпоштанаш а, даима а соьца хилла киншкаш а, кемана чохь а, лаьтгахь а цъхаьна, хьеша ц1а чохь а, новкъахь а, ши эзар ца кхочуш ас гульеш, 1алашийна, г1азкхин салтичо, ц1е тосуш, ягийна хилла, сан ц1енош бухадохуш, лелхийтина, дохийна, арахула д1асакхийсина дог1анехь ешна киншкаш сан, чим бисина йозанаш... деган мукьам а г1ийла г1айг1ане, сайн аьтгачу х1усаме кхаьчча, ягийна 1охку киншкаш а гуш, – хиларо 1ехорах, къастарна доьлхучу деган, шен докъа т1ехь доьлхуш санна...

Соблжа-г1алахь ваха сецначу пхийтта шарахь – ши эзар шо дузале, – кхо х1усам йохийра-кх сан г1азкхиша, Россин пачхьалкхан «доблестни» салтиша...

Ма ца еза-кх суна харцо, тlамо йохьу кызалла а, lовдалчуьн сонталла санна, хьарамчу рицкъан lесалла а.

Шерашкахь – бакъду-кх иза! – шолгlа тlом дlабаьлча а и сайн цlа гlенах гуш, кабинет а, кресло а сайн, пен дlалаьцна хилла киншкаш а... со дахарх гlан хеташ – гучу гlенах – дахар, – самаоьккхура-кх, цlа доьхна ца хилла-кх сан, гlан хилла-кх гинарг, моьттуш, ши бlаьрг схьабелларцанна бакъдолчо lада а веш...

Абаде ма ца елла Дала стагана, пхийтта шера чохь кхаа цlийнах вала, цхьана цlийнах ца хотгалуш а ма воьрзу стаг лаьтгара коша... художникана даймохк шен биь пен ма бу – ша ойлайо меттиг, шен стол, гlант, кьолам а шен, цlийнан кор а, цу корак гушдолу сурт даймехкан сибат а долуш.

Суна ваха бен ца лиьнера, яздархьама ваха бен...

Сан неlалт массарна а, сан махка цlий lанийначарна, сан махка харцо йохьуш, со харцонца гlелвинчарна неlалт сан!

Доьхначу цlенна хьалха йисинчу аххаьрцинчу кухни чохь, кьовлуш неl, тlечlагlдеш ков а доцуш, корак киленка а тоьхна – вехь, вер бен, кхин хlумма а хир дуй! – стоьла тlе чlурам хlоттош, со яздан охьахиьча деара-кх сан дегlачу са, ша дерриг а дуьне цу буса сан даг чу схьа, сан доьхна цlа а соьца цу буса, сан киншкаш а, кресло а мокха....

Ма ирс дара-кх, дуьне кхин цалерар, хьо хьуо хьайн дуьне хилар, хьан кьолам-кехат хьоьца, шерашкахь байна синтем – дайна кlеза санна, кьийлалуш, эхьхеташ, ийзалуш, – меллаша юха цlаберзар а, хьан сица уьйш, дагца товш...

Я кlезиг- дукха ас язъечу кху шовзткъа шеран заманахь, айсса сайн дог тедалла говзанча ца хилира-кх сох, сайна хила лиьна, сатийсина, тlом хьебина яздархо: дlахилал, Хьенех, олуш, Толстойна я Фолкнерана улло дlахlотталла, Чеховца забарш а еш, цуьнан «Баьллийн беш» юьйцуш, Бунинца – «Натали» а.

Хlетте а цхьа сатийсам, цхьа кьайллаха кхобу ойла, маржа, цхьаь, цхьаь мукъна а, цхьа дийцар хилла а: «Во сне ты горько плакал» Казаковн, «Уроки французского» Распутинан, «Снега Килиманджаро» Хэмингуэйн – цаьрца нийсса цхьа дийцар дац-те сан шовзткъа шарахь ас хьекхначу кьоламех, боху, сатийсам биснехь хьоьца, оццул йолчу заманахь – шовзткъа шарахь кьахьегча а – хьайх тешам хьоьца биснехь, жимма сатийса йиш ю-кх хьан: «Со а хилла-кх», – ала хьайга цкъа, Стокгольме курра дlа а хьаьжна.

Амма, делахь а, Габриэль Гарсиа Маркеса – Колумбин яздархочо, – ша кхалхале шераш хьалха, Нобелан комитета шен преми номенант вала кхо шо дисича бен ца ло, аьлла, яздинера – яздархочуьн кхузткъе вуьрхlитта шо кхаччалц, дезткъе шо кхаьчча, лауреат велла а хуьлу, олуш.

Ас собар дийр ду – сан кхузткъе кхоь бен дац, кхин дейтта шо ду сан тlаьхьа...

15.01.2017 шо

Чеченский след в русской поэзии

К 200-летию Айбулата Константина Михайловича (Айбулата-Розена)

Все началось с первого тома «Русские писатели. 1800-1917. Серия биографических словарей» (Москва, издательство «Советская энциклопедия», 1989), охватывающего буквы «А-Г». Данная книга представляет собой академическое издание с огромным штатом научно-редакционного совета в составе которого ученые с мировыми именами.

Так случилось, что в относительно далеком (недалеком) 2006-ом году Муслим Мурдалов, находясь в Крымске в гостях у своего друга, вытянул с полки эту самую книгу и сел за ее чтение. Череда фамилий на буквы «А»: Абаза, Абрамов, Авдеев, Аверченко, Авсеенко, Адамович, Адрианов... Некоторые имена Муслиму были знакомы, о некоторых он узнавал впервые. И вот, перевернув 25-ю страницу, на следующей Муслим натывается на имя, которое без малого вот уже десять лет не дает ему покоя. Статья начинается так: АЙБУЛАТ (*Айбулат-Розен*) *Константин Михайлович [ок. 1817, селение Дада-Юрт, на реке Терек, Кавказ – 20. 4. (2.5). 1865, Петербург], поэт. Воспитывался бароном Мих. (Мартьяном) Карловичем Розеном (знакомым В. К. Кюхельбекера и адресатом его послания 1821), к-рый, будучи прапорщиком Нижегород. драгун. полка, при штурме селения в 1819 Кавказским корпусом ген. А.П. Ермолова взял к себе «из числа военнопленных» «двухлетнего раненого младенца Озебая Айбулата»... – и в продолжении полутора колонки дается биографическая статья о поэте Айбулате-Розене.*

С того самого вечера в г. Крымске, когда он впервые увидел имя своего далекого соплеменника, и по сегодняшний день Муслим Мурдалов никак не может вернуться, по собственным словам, из «айбулатовского странствия»: он изездил столько городов необъятной России, побывал также в Украине, Польше, Белоруссии, отыскивая следы пребывания там поэта, посетил многие музеи и архивы страны, пытаясь найти документальные свидетельства его биографии. В Пушкинском доме (ИРЛИ) отыскал адрес проживания в Санкт-Петербурге вдовы Вадима Эразмовича Вацуро – известного советского и российского ученого-филолога, автора той самой статьи об Айбулате в словаре «Русские писатели. 1800-1917», в надежде найти в личном архиве ученого что-нибудь еще об Айбулате и заодно выразить слова благодарности за возвращенное из небытия имя сына чеченского народа. Но из-за ее болезни запланированная несколько раз встреча так и не состоялась.

В 2015-ом году Муслим Мурдалов публикует в «Литературной газете» (№ 16) статью об Айбулате под названием «Чеченский след в русской поэзии», где в частности пишет: «В русской поэзии много удивительных судеб. Но трагическая судьба человека и поэта Айбулата (Розена) Константина Михайловича (его имя сегодня читалось бы так: Акбулатов Озди) поистине потрясает воображение. Родился он в 1817 году в чеченском ауле Дада-юрт, скончался 20 апреля 1865 года в Санкт-Петербурге. Это человек, который в один день потерял мать, отца, здоровье, родину, религию и язык своих отцов. Даже части этих потерь достаточно, чтобы никогда не стать полноценным человеком. Айбулат родился чеченцем, а жил и похоронен в России, проповедовал христианские добродетели, стал русским поэтом, чиновником, не сдался перед, казалось бы, непреодолимыми тяготами судьбы, не опустил рук, нашел в себе силы для творчества. Вакуум одиночества он с детства заполнял чтением книг, рано начал сочинять – первые стихи написал в 13 лет...»

В год 200-летия поэта мы публикуем стихи Айбулата-Розена, любезно предоставленные нам Муслимом Мурдаловым – отскерокопированные им самим из знаменитых изданий XIX века, таких как «Современник», литературное прибавление к «Русскому инвалиду» и «Литературная газета»

разных лет. Параллельно в архивах Мурдаловым М. выявлено большое количество материалов XVIII–XIX и середины XX вв., напрямую касающихся истории Чеченской Республики и чеченцев – это редкие книги на французском, немецком, польском, русском языках, статьи, рисунки, гравюры, ноты, фото и т. д.

Ну, собственно, о Муслиме Мурдалове. Родился в 1971 году в с. Шалажи. Живет в городе Грозном. Человек, который, без преувеличения, через двести лет отыскал для нас «чеченский след в русской поэзии».

Саламбек Алиев

Константин Айбулат-Розен

Она

И тихо преклоняясь, в таинственной печали
 Она молилась Творцу,
 И кудри черные сбегали
 По бледному ее лицу.
 И встретился я вновь с той девой незабвенной
 В садах Алгамбры. Перед ней
 Переливался вдохновенный
 Фонтан певучею струей.
 Она, спустив с себя мантилью,
 Покоилась небрежно средь цветов,
 И любовался я ее летучей пылью,
 Как изваянная, недвижима... без слов...
 Потом в Венеции во время карнавала,
 Беспечному веселью предана,
 Толпе восторженной она
 Богиней праздника предстала,
 И улыбалась она на громкий плеск,
 И, промелькнув, как звездочка в эфире,
 В гондолу бросилась: раздался всплеск.
 И скрылась близ Pontedei Sospiri.
 Потом в горах Кавказа на коне
 Кремнистою тропой воздушной амазонкой
 Неслась она, и в мертвой тишине
 Лихого скакуна был слышен топот звонкий.
 Потом в стране возвышенных искусств
 В отчизне тассовой... но что за нужды...
 Бог с нею! Ныне чужды
 Мне впечатленья юных чувств.
 Давно пора зажить сердечным ранам;
 Венеция, Алгамбра и Кавказ,
 Уж благодетельным туманом
 Подернуло забвеньем вас.
 Но для чего же мне в завет воспоминаний
 Оставил Бог единый прошлый сон?
 В минуты радостей, в часы страданий
 Передо мной летает он:
 Как, тихо преклоняясь, в таинственной печали
 Она молилась Творцу,
 И кудри черные сбегали
 По бледному ее лицу.

«Литературная газета», 1840 г.

Смерть

Она придет неслышно и незримо,
И станет, светлая, у моего одра,
И скажет мне с тоской неизъяснимой:
«Пора!»
И буду я молить таинственную гостью:
«Я жить хочу!.. оставь мне здешний свет»,
И буду я молить с слезами и со злостью,
И – нет.
Она дохнет в лицо прохладой вечной ночи,
Прозрачную рукой мою придавит грудь,
Закроет навсегда мои тихонько очи
И – в путь.
И в жизни той она меня пробудит,
Где, может быть, неведома печаль;
Но дней земных, печальных жаль мне будет,
Да, жаль!

Литературное прибавление к «Русскому инвалиду», 1838 г.

И еще жалоба

И боль души, и ропот сердца,
Мои беды, кто их поймет?
Мне в мире нет единовеца,
Единоумченика нет.
Зову друзей – мольбы напрасны;
Зову чужих – но для чужих
Мои рыдания ужасны,
А мне ужасны ласки их!

«Литературная газета», 1840 г.

Паркетным друзьям

Разочарован, други, я
Смешною модой и пирами,
И вероломными очами,
И вами, добрые друзья.
Нет, прочь от вас, забавы света,
Где все притворством лишь одето,
Где все пленяет только глаз,
Где мир снаружи только молод,
В пылу страстей где вечный холод, –
Простите, еду на Кавказ,
Под небо диких наслаждений,
Под небо неги и тревоги,
Где нет по моде заблуждений,
Где есть любовь, природа, Бог!..
Туда свободой насладиться
И своевольной простотой,
В кругу друзей воспламениться
Шираза светлою струей,
Или с ватагою избранной
На горском пламенном коне
Срывать венки в губительном огне;

Иль полуночную порою
 Грузинку юную лобзать,
 Обвившиися рука с рукою
 «Люблю» ей пламенно шептать,
 Ее дыханием упиться
 И на груди ее забыться –
 И наслаждений розы рвать...
 Кавказ угрюмый, величавый,
 Страна воинственных сынов,
 Среди твоей ненастной славы
 Под блеском царственных снегов
 Родился я. Дитя природы,
 На лоне бурной я свободы
 Улыбку первую узнал;
 Среди поэтических ущелий
 О битвах мне так чудно пели –
 И я под песни засыпал.
 Не пробудил их голос громкий
 Моих младенческих страстей;
 Казбек, увенчанный снегами,
 Увижу я твое чело,
 Где небо светлое легло
 С луной и с мирными звездами, –
 И там, задумчивый певец,
 Твоей плененный красотою,
 Помчуся отдохнуть мечтою
 На твой блистательный венец.

Литературное прибавление к «Русскому инвалиду», 1838 г.

РУССКИЙ ШТЫК

Стоит властительно трехгранный часовой
 На рубеже двух граней мира;
 Он Божий ангел в годы мира,
 Он Божий меч в године боевой.
 Всегда, везде он царь! И на снегах Балканов,
 У Сенских берегов и у Евфратских вод,
 В игре за Терекон и в битве великанов
 Ему достойнейший почет.
 Он любит нас, он наш! Не твердостью булата –
 Славянским духом он могуч:
 В нем русская душа; он русского солдата
 Бессмертья луч!
 Но чу! Я слышу вас, завистливые дети,
 Ораторы в боях, герои в кабинете.
 Что? Плохо помнится вчера?
 Что? Видно, зажили борьбы последней раны?
 Так их напомнит троугранный
 Под Бородинское «ура!».
 Постыдный ваш побег осветит вновь пожаром;
 Не сломится, небось – Сам Бог его сковал,
 И русскому вручил, и, кажется, недаром
 Судьбой земли его назвал.

«Современник», 1841 г.

Памяти М. Ю. Л.

Еще столь полная и слез и содроганья
Над урной славного поэта моего,
Россия теплою улыбкою вниманья
Почтила юного преемника его.
Он поднял сладкие в народе песнопенья,
Найтием божественным горя,
И каждый стих его был гордою ступенью
Любимого бессмертьем алтаря.
А ты свершил подлейшего убийства
Свой святотатственный удар;
И жажды адской кровопийства,
Как демон злой, со смехом залил жар,
Не пощадив певца, ни струны золотые,
Ни русского ума надежды дорогие.
И что ж, доволен ли злодейством наконец?
Позорнейшим проклятием Отчизны?
Перед тобой блистательный мертвец
С рукою на груди, с улыбкой укоризны,
Облитый кровью, поверженный в пыль
И завещающий в наследье роковое
Тебе смертельных мук отчаянье немое,
С названьем каина, по всем концам земли.
Но вечный мир певцу, под снеговым Кавказом
У пятигорских струй! Пусть вечный ропот их
Тебя там усладит отрадным пересказом
О грустной памяти родных, друзей твоих!
И, может быть, твоих высоких вдохновений
Немногие следы пройдут из века в век,
И, тихо опершись о сумрачный Казбек,
Утешен будет твой осиротелый гений.
А ты, отверженец людей!
Где б ни был ты, во всей вселенной
Предстанет пред твоих очей
Поэта труп окровавленный.
И вспомнишь ты убийства страшный миг,
И станет день и ночь испуганная совесть
Сплетать тебе ужасных дел твоих
Неумолкающую повесть.

*1841 г. (впервые опубликовано в журнале
«Литературный критик», 1939 г.)*

Дебют**Заур Ганаев**

Родился в 1990 г. в Грозном. Окончил городскую СШ №7. В 2007 г. поступил в ЧГУ на медицинский факультет. На втором курсе в 2009 году получил правительственную стипендию на продолжение учебы в Германии. После окончания языковой школы и немецкого колледжа в 2011 году был зачислен на медицинский факультет Университета Карла Эберхарда в городе Тюбинген, где учится и живет в настоящее время. Первые стихи, по признанию автора, были написаны осенью 2013-го года. «Нигде не печатался. Выделить кого-то из поэтов в качестве образца и властителя дум трудно и почти невозможно. В прозе – это Достоевский и Мопассан, Бунин и Хемингуэй».

Погляжу в глаза твои, двойник...

***

Наглядный город в сотню тысяч душ
Наполнился вдруг неким осязанием
Своей усталости, обнявшей эту глушь
Бетонно-монолитным изваянием –
Геометрически разглаженных углов,
Согретых излучениями света,
Каких-то звезд космический улов,
Чьих замыслом
пространство разодето.

***

В двадцать шесть
почувствовать старость
и усталость вконец.
Боже, сколько еще мне осталось
от древесных колец?
Приближать не решаюсь кончину,
но отсрочек боюсь.
Боже, разве уже не причина –
то, что я не борюсь?

***

Кофе остывает. Тают лица.
Веки наливаются свинцом.
Пусть ему сегодня не приснится
смерть с ее простреленным лицом.
Свет горит. Дыхания не слышно.
Тень волной не пролилась на грудь.

Тает снег, рассыпанный по крышам,
и свеча, что некому задуть.

***

Просыпается утром подушка,
Как и прежде – отец и мать.
Свежесваренный кофе в кружке.
А на все остальное – плевать.
Наплевать на грядущее трижды,
На удачу, лишение средств,
Лишь бы мама жива была, лишь бы
Жил отец.
Я не знал никого среди дЕдов.
Их земля приютила давно.
Ничего я о смерти не ведаю,
Мне и жизнь-то понять не дано.
Но одно обреченное «но»
Повторяю сквозь бешеный свист –
Как-нибудь я очнусь перед сном,
Чтоб навеки покинуть жизнь.

***

Погляжу в глаза твои, двойник,
Вижу в них исчадие печали.
Часто незнакомцы замечали –
В бездну опрокинутый тайник.
Погляди же и в мои напротив,
Как я пуст, отчаян и юродив
И как чисто отражен твой лик.

***

Вечер тусклою лампадой
 Догорал;
 Жизнь чинила мне преграды,
 Я страдал.
 Ночь была моей подругой
 И сестрой;
 Я спасался под упругой
 Вечной тьмой.
 Только образы предметов
 Я ценил,
 Преисполненных не света,
 Но чернил.
 Отдаленные свеченья
 Мне близки,
 Рвущих драму в приближеньи
 На куски.
 Нету в ночи изначально
 Перемен,
 Я люблю ее молчанье,
 Как и плен.
 Безглагольное обличие
 Теней;
 Все же всякое величие
 За ней.
 Побезденные бессмертием
 Тиши,
 Ревность, слава и отчаянье
 прошли.
 Все бессмыслица, за исключением
 Снов,
 Но и те тьма запирает
 На засов.
 Столько тихого пространства
 Под луной;
 Никакого иностранства –
 Не за мной...
 Вечер тусклою лампадой
 Догорел;
 Я смирил свою досаду
 И удел.

***

Там утро у тебя, здесь – строгий мрак;
 Там, кажется, гармония и лира,
 И всякий очарованный моряк
 Найдёт весь мир в той малой части
 мира...

***

На синей мрачной глубине
 Чуть слышатся морские стоны –
 О том, кто плыл к своей мечте
 Но, не доплыв, здесь похоронен.

Как жизнь бесчувственной рукой,
 Не зная жалости к стараньям,
 Обогащает мир морской
 Печальной аурой стенанья.
 Под толщей вод и донных гуш
 Мои покоятся надежды,
 Мне жаль их оставлять там между
 Печальных песен мертвых душ.

***

Езжай, автобус! Я не побегу
 тебе вослед, как мало б ни осталось.
 Я вытерпел и больше не могу
 все время вызывать на лицах жалость.
 Эй, юноша, остынь, не торопись!
 Переведи дыханье, взгляд смелее,
 Держи осанку. Знай, что эта жизнь
 не терпит тех, кто гонится за нею.

***

Я иду по городу,
 По цветным бульварам,
 Не смертельно колотый,
 Но по жизни раненный.
 И хотя мне грезится
 Собственное тление,
 Не готов я мысленно
 Оседлать забвение.
 Ощущения близкие
 И слова негромкие –
 Про свою бессмысленность –
 Я в смятении комкаю...
 И иду, хромающий
 Под тяжелым бременем,
 Охватившем леностью
 Это поколение.
 Мои туфли – тертые,
 Оттого красивые.
 Среди людей мне нравятся
 Гордые и сильные.
 Мои брови жестки
 И, порой жестокий,
 Я похож на взрослого –
 Тем, что одинокий.
 По цветным бульварам
 Возвращаюсь в комнату –
 Окна замурованы
 И постель не тронута...

Хава Гагаева**И шел дождь**

И шел дождь,
 проливал на меня откровения.
 И шел дождь,
 расплывались сомнения.
 И шел дождь,
 с земли – прямо в небо.
 Все ждешь, все ждешь – когда
 птицы твои перелетят океан
 проблем бесконечных...
 Но лучше бы ты был беспечным.

И шел дождь,
 вливал в меня понимание.
 И шел дождь,
 собиралось внимание
 в бусины острые-острые.
 А ты все ждешь и ждешь – когда
 птицы твои перелетят океан
 проблем бесконечных...
 Но лучше бы ты был беспечным.

***

Я – наблюдатель тревожного кино,
 где главному герою в моем лице
 в конце не хватит воли.
 И все печальное сорвет
 последние надежды с того,
 кто врет своей душе.
 Как можно больше боли,
 товарищ режиссер!
 Быть может, видя воплощение роли,
 опережающей момент,
 еще успею выскочить из поезда,
 несущегося к пропасти...
 И мы с тобой не встретимся.

...и все так много говорят

Мне кажется, я видел скуку
 в глазах прекрасных.
 Безнадёжно,
 ты здесь один,
 не траться на сомнения –
 быть должен в курсе, что
 непобедим снаружи.
 И кто тебя увидит здесь,
 когда туман в сознании
 вибрирует печалью
 многократной?..
 Окном себя не называй,

влезай скорей!..
 (слова теряют в силе)

***

Засыпают
 компьютеры
 и телефоны,
 ты один
 на балконе,
 совсем один –
 на фоне
 умирающего неба.

Сфотографируй меня
 на память –
 через измазанный грязью
 объектив...
 Я ухожу.

***

как слог из песни пустоты
 точно неясные кометы
 летят сквозь тишину как ты
 и твоим голосом пропеты
 протянута волос тоска
 в иглы надежд жаль сроки вышли
 взираешь молча свысока
 на панораму своих мыслей

***

заразились перфекционизмом
 отрастили клыки и когти
 отравили эфир цинизмом

и взираем глазами злости
(на любви ускользнувшей след)

судим строго и безвозвратно
отвращаем лицо от правды
неудобной но виновато
мы не чувствуем себя
нет

кто-то прячется в слабом сердце
проявляясь в словах глубоких
распакуйте еще не мертвец я
а хозяин тех слов немногих

***

беги сквозь лес
своих сомнений гибких
кустарников пустых проблем
болот из вязкой лжи
из липкой
искусственности плен

***

настоянные на молчании
слова приобретают вес
уставший от отчаяния
боль сердца прячешь в спесь
немыслима и вязка
твоих сестер тоска
что въелась в лица маски
улыбками оскал

***

И ничего не говорю
вот только руки опускаю
в безводную печаль твою
куда стекается, я знаю,
все то, что недоприжилось
и даже более, но разве
забудешь, что всего лишь гость,
а горечь растворится в правде?

***

я навсегда останусь полоумной
далекой от нормальности
меня воротит от формальностей
и голосов компаний шумных

в уютной тьме

я сижу на дне
безнадежных дней
и в растоптанный пейзаж души моей
падает луч солнца

так лежать в уютной тьме
хотелось мне
слушая рост растений в тишине
но что-то странное вползает
вглубь меня
и вынуждает выходить на свет

распускаю злость
и из сердца кость
вынимаю чтобы выточить фигурку
глупости

так лежать в уютной тьме
хотелось мне
слушая рост растений в тишине
но что-то странное вползает вглубь
меня
и вынуждает выходить на свет

Рыба

В мое окно влетела рыба,
села напротив моего лица.
она смеялась, точно знала
все то, на что я обречена.
Она махала плавниками,
изменяла все вокруг,
она охотилась за сознанием –
но в этот миг я проснулась вдруг.

В мое окно втекало солнце,
испепеляя остатки сна.
Оно смеялось, точно знало
все то, на что я обречена.
Оно втекало в мое жилище,
все приближало горящий круг,
оно охотилось за сознанием –
но в этот миг я проснулась вдруг.

В меня сочилась бледным светом
необъяснимая тишина –
знание о том, что в этом мире,
до безысходности, одна.
Предчувствие другого мира
сжало сознание со всех сторон,
затем рассеялось в эфире...
Едва ли это был просто сон.

Слова все врут

Расскажи, с чего все началось,
зародилось –
чтоб пролиться однажды,
остаться с тобой навсегда.

Кто-то любовью зовет,
но ты в курсе,

что слова все врут,
слова все врут –
и им совсем не жаль тебя.

Как мне с тобой говорить –
ты не слышишь
шелеста слов, запаха мыслей –
ты не здесь?..

Кто-то любовью зовет,
но ты в курсе,
что слова все врут,
слова все врут –
и им совсем не жаль тебя.

То, чего нет

Небо разрезал самолета след,
душу терзает то, чего и нет
в сущности, но боли яд
жжет плоть души, говорит:
отрезаны пути назад.

Развяжи глаза, неба бирюза
смотрит в тебя и видит.

Солнца стекает жидкий свет,
душу терзает то, чего и нет.
Выпей боль, но выплюнь яд.
Отрезаны все пути,
все пути назад.

Развяжи глаза, неба бирюза
смотрит в тебя и видит.

Ты тонешь в обещаниях города,
все тот же сон вдыхаешь день за днем.
Невидимым спиралям ты
сказал бы «да», но не в этот раз,
снова не в этот раз.

Развяжи глаза, неба бирюза
смотрит в тебя и видит...

Падаем

Завяжет мне рот – и вот,
в волосах найдет приют.
Забегит в меня искать –
ту, кем я могла бы стать.

Падаем, падаем, падаем,
сонные, в липкую мягкость тишины.
В ней нет нас, а все, что в нас плавится,
есть нечто чуждое
и с привкусом вины.

Возвратись с собой и вой,
если обнаружишь боль.
Ты не пел, хотя умел –
просто позабыл, что смел.

Падаем, падаем, падаем,
сонные, в липкую мягкость тишины.
В ней нет нас, а все, что в нас плавится,
есть нечто чуждое
и с привкусом вины.

по ту сторону

по ту сторону
где-то возле мы
как круги по воде
мироздания

черным вороном
не стать голубю
но меняет цвет
сознание

делит поровну
кто-то вовремя
радость тишину
отчаяние

озером пустоты
затопило мечты
вновь один на один
с молчанием

***

Падай в тишину, смотри,
куда ведут дороги сердца.
Слушай и признай свою вину –
может, кто тебя найдет –
до того, как ты
опустишься на дно...
Опустишься на дно.

Там, где прольется правдой
нам на плечи боль,
мы разбежимся в лето,
упадем лицом...
Стань моим веслом.

В дебрях слов и смыслов мы
терялись часто, позабыли,
где наш в этом мире дом.
Блуждали в снах и глупых мыслях,
и иллюзий дым
нам застилал глаза,
хотелось скрыться за

тем, где прольется правдой
нам на плечи боль.
Мы разбежимся в лето,
упадем лицом...
Стань моим веслом.

***

Ночь входит сквозь окно,
и с ней ты не одинок.
Смотри в ее глаза,
и правду, что сказать
нет слов, сохрани внутри.

Ты был когда-то прав,
что от того осталось?
Слишком твердый нрав
и твоя усталость
текут сквозь слов
оброненную малость,
словно герой из снов.

И в царстве темноты
ее прозрачные цветы,
тобой неузнанные будто.
Но это не так,
и вовсе не знак
того, что ты опоздал –
ты все уже знал...

***

Мы не можем взять с собой взрослых,
мы застрянем здесь навсегда,
в струях пряных волос ее легких –
пустота.

Мы не можем взять с собой память,
мы должны уйти налегке.
Нам мигают огни неизвестного
Вдалеке.

Мы не можем остановиться,
мы забрались так высоко.
Нас пленяет падение птиц –
в синее молоко.

Мы назад никогда не вернемся,
растворимся в бездне прыжка.
Нас запомнит сияние звезд, порхание
Бражника.

***

Сядь в мою лодку,
усни на волнах робких...
Где твоя память
о тех берегах?
Нарисуй двери, толкни,
чтобы выйти сквозь
стены своей
обусловленной жизни...

Только не верь в лишний бред:
большей глупости нет.
Нашей старости цвет
никогда не распухнет.

Птицами ветер
прошитый несветел.
Ты знаешь, все двери
в твоей голове.
Встав на рассвете,
припомнишь слова эти –
а мне б догадаться,
о чем ты молчишь.

Только не верь в лишний бред:
большей глупости нет.
Нашей старости цвет
никогда не распухнет...

Хаваж Цинцаев**Генара захало***

Рассказ-быль

После очередной деловой поездки я возвращался домой в купейном вагоне поезда «Астрахань – Грозный». Соседями по купе оказались немолодые уже супруги, как оказалось, из села, расположенного на правом берегу Терека на севере Чечни. Ехать предстояло всю ночь. Чтобы как-то скоротать время в пути, мы достали из сумок и пакетов свой нехитрый провиант, который еле уместился на маленьком столике. Лениво пожевывая и иногда припадая к бутылке с водой, мы с соседом повели наш неспешный разговор. Его жена, скрестив руки на груди, прислонилась спиной к стенке купе, смотрела неизвестно куда и в завязавшейся беседе участия не принимала. Сразу представиться друг другу мы как-то не догадались.

«В процессе общения найду повод и познакомлюсь», – решил я и не стал на этом заикливаться.

Вдали за окном изредка мелькали огни, колеса вагона стучали на стыках рельсов, отбивая знакомый ритм и свое «тыг-дыг, тыг-дыг». Поезд слегка покачивался и уверенно шел в ночь, разгоняя впереди густую тьму светом своего прожектора.

Мой спутник оказался хорошим и умелым рассказчиком. Я с интересом слушал всякие забавные житейские истории, случившиеся с ним самим и с его друзьями и знакомыми. Узнал, что его зовут Вахид. Чтобы как-то поддержать разговор, надо было и самому вспомнить и поведать пару историй. Но я заметил, что жена Вахида к еде не притрагивалась и, не меняя позу, задумчиво сидела рядом со своим мужем, уставившись в черное стекло окна.

«Может быть, она стесняется меня, поэтому не кушает», – подумал я и вышел в коридор вагона. Бесцельно побродил с одного конца вагона в другой, чтобы убить время. Постоял еще минут пять у открытого окна рядом с купе проводницы, которая на тот момент отсутствовала. Дождавшись ее, заказал три чая и вернулся в наше купе.

Разговор наш возобновился и плавно перешел на обычаи, свадебные обряды чеченцев, на их особенности у равнинных чеченцев, проживающих на Тереке, и чеченцев, проживающих в предгорных и горных районах республики. Так как я оказался представителем тайпа варандой, к последним отнесли и меня, хотя я всю свою сознательную жизнь прожил в столице республики. Я не возражал.

Видимо, эта тема была близка и интересна нашей спутнице. Ее глаза загорелись, она поменяла позу. А тут и чай подоспел, который предрасполагал к продолжению разговора. Она вспомнила об одном удивительном случае двадцатилетней давности, который произошел у них в районном центре. И добавила при этом, что ни до этого случая, ни после него подобные истории она не слышала. Я ухмыльнулся. Эта история была мне очень даже хорошо знакома до мельчайших подробностей, да еще как! Ведь я был непосредственным участником этих событий, чуть ли не их главным действующим лицом. Но все по порядку. К моим спутникам в поезде мы еще вернемся...

***

У чеченцев приветствуется жениться на девушке, которая живет в одном селе или, в крайнем случае, в одном районе с женихом. Во всяком случае, родители жениха и невесты всячески стремятся к этому. На то есть несколько причин.

---

* Дальнее сватовство (чеч. яз.)

Во-первых, маловероятна ошибка в выборе спутника жизни. Все знают все обо всех. Во-вторых, так легче в будущем поддерживать родственные отношения, когда каждое мало-мальски значимое семейное событие не обходится без участия родственников. Но, как говорится, сердцу не прикажешь. Бывают и исключения из правил. Ведь традиция не традиция, если не имеет свойство иногда нарушаться.

Молодой человек по имени Мусост с небольшого предгорного села и Зулай с районного центра на Тереке с благословения родителей решили связать свои жизни семейными узами. Нельзя сказать, что случай невиданный доселе, но из разряда редких, учитывая, что между домами молодых людей огромное, по местным меркам, расстояние. Но выбор был сделан. Наступила пора предсвадебных хлопот. В республике было неспокойно. Происходили события, которые волновали общество. На улицах городов и сел все чаще стал появляться человек с ружьем. К нему уже привыкали. Три года назад рухнул, канул в лету, приказал долго жить, казалось бы, нерушимый и могучий СССР. С мечтой о коммунизме пришлось распрощаться. Республику спешно покидало русскоязычное население. Привычный уклад и распорядок стал забываться. Понятия «плюрализм мнений» и «демократизм», которые вошли с подачи власти в моду в начале перестройки, переросли все допустимые пределы. Махровым цветом расцвела буйная митинговщина. Популярное в начале века, а потом забытое слово «оппозиция» снова стало модным. К ней причислялись все те, кто не согласен с политикой существующей власти. К оппозиции относился и районный центр, в котором проживала будущая невеста Зулай. Там объявили об автономном существовании района и о неподчинении существующей власти. Там же обосновалась и главная группировка оппозиции. Народ замер в тревожном ожидании чего-то неординарного и непредсказуемого.

А жизнь продолжалась, подчиняясь своим неписаным законам. Люди, как в той песне, встречались, влюблялись, женились, замуж выходили, разводились и вновь сходились. Предстояло сыграть свадьбу и нашим молодым – Мусосту и Зулай. Все видимые хлопоты по организации и проведению такого важного в жизни каждого человека события у чеченцев обычно проводятся без участия жениха. Он даже не показывается публично на своей свадьбе. День свадьбы был назначен. За неделю до свадьбы Мовта, отец Мусоста, позвал вечером к себе своих младших братьев Дагуна и Хамзата. Для обсуждения, так сказать, некоторых организационных и технических моментов и деталей предстоящего мероприятия и принятия решений по ним. После того, как были поименно определены мулла и сваты, которые поедут в назначенный день в дом родителей Зулай, разговор перешел на самую большую тему.

– Расстояние между нашими селами немалое, – сказал Мовта. – Время в дороге – почти 3 часа. Более 120 километров пути, из них 20 километров придется проехать через весь город с юга на север и обратно. Необходимо также преодолеть Сунженский хребет, который разделяет оппозицию (пусть и пассивную на тот момент) и существующую «дудаевскую» власть. И те, и другие вооружены до зубов. Возможны провокации с обеих сторон.

– Ну и что? – спросил самый младший из братьев. – Волков бояться – в лес не ходить.

– А то, что соберется немало молодежи на автомашинах и за ними очень трудно будет уследить, – сказал Дагун. – Как бы ты их ни проинструктировал, ни пропесочил, найдутся те, которые будут устраивать гонки, лихачить. Неизвестно также, как поведут себя на дороге сторонники и противники власти Дудаева

– Вот и я об этом же, – добавил Мовта. – Не дай Аллах еще, чтобы на нашей свадьбе кто-то покалечился, разбил машины или что-то другое.

– Что делать? – спросил Дагун.

– А вот что, – ответил Мовта. – К назначенному времени отправляем в дом невесты сначала на двух машинах муллу со сватами. Через час тайно отправляем за невестой еще две машины. А здесь, на месте, не дожидаясь

невесты, организуем свадебные торжества: игра на гармонии, песни, пляски и прочее.

Видно было, что этот план у него созрел и был заготовлен задолго до встречи братьев.

– План хороший, но молодежь это не остановит. Они, если не вместе, так по одному, по двое выдвинутся на машинах в сторону Терека и могут набедокурить больше, чем если поехали бы вместе и организованно, – добавил Хамзат.

– Ну хорошо, возвращаемся тогда к изначальному вопросу: что делать? – спросил Дагун.

– Да-а... Вот незадача, – потер рукой висок Мовта.

В комнате повисла гнетущая тишина. Каждый из трех братьев представлял поездку свадебного кортежа автомобилей и что может произойти в пути. Картины рисовались нерадужные, у страха-то глаза велики. И вдруг нависшую тишину нарушил какой-то далекий своеобразный звук, напоминающий жужжание. Звук приближался и нарастал. А потом послышался громкий и свистящий шум винтов вертолета, который резво пролетел над крышами домов. Откуда он взялся? Для этих мест вертолет большая редкость. Стой, стой... Эврика!!! Всех троих одновременно осенила блестящая мысль. Невесту надо доставить по небу на вертолете! Пусть это будет невиданным делом, не имеющим у нас в республике прецедента. Но в данном случае – это выход из положения. Все трое радовались не меньше древнегреческого математика Архимеда, который, согласно легенде, совершенно случайно, принимая ванну, открыл основной закон гидростатики, названный его именем. Расходились братья довольными, договорившись, что на следующий день каждый из них по своим каналам наведет справки, где и как можно арендовать вертолет.

***

На следующий день, по совету одного знакомого, Дагун поехал с утра в аэропорт. Дождался начальника, который в сопровождении двух человек стремительным шагом направился в кабинет, не то что не поздоровавшись, но даже не удостоив его взглядом. Дверь за ними плотно закрылась. Через некоторое время еще три-четыре человека шумно ввалились в кабинет начальника.

«Ну, это теперь надолго, – подумал Дагун. – И секретаря же нет, чтобы через нее попросить принять его».

Но ждать пришлось недолго. Видимо, начальнику доложили, что в приемной сидит посетитель. В дверь выглянул один из тех, кто заходил с начальником раньше, и спросил у Дагуна:

– Молодой человек, вы по какому вопросу?

– Мне бы к начальнику попасть... У меня личный вопрос, – ответил Дагун.

– Ну, заходи.

– Слушаю тебя внимательно, – произнес человек, сидевший во главе стола.

– Да, у меня один деликатный, так сказать, личный вопрос, – начал робко Дагун.

– Говори, не стесняйся. Тут все свои, – весело сверкнул глазами начальник и переглянулся с сидевшими в кабинете.

Дагун обвел взглядом присутствовавших в кабинете, посмотрел в упор на начальника и решительно произнес:

– Мне нужен вертолет.

– Вертолет? Зачем? – удивился начальник аэропорта. – И какой тебе нужен вертолет: боевой, транспортный или спортивный?

Дагун понимал, что его сейчас засмеют, и не торопился с ответом. После некоторой неловкой паузы он все-таки выпалил:

– Надо полететь за невестой племянника.

Брови начальника взметнулись вверх. А потом удивление сменилось взрывом хохота. Но продолжалось это недолго.

– До чего дожили, а? На телевидение приходят сделать объявление о пропаже телки, теперь вот вертолет пришли заказывать для свадебной процессии. Вот она хваленая демократия, вот она вселенская дозволенность, – не мог успокоиться начальник. Все опять приняли серьезный вид и внимательно стали разглядывать посетителя.

– Я понимаю ваши сомнения, – продолжил Дагун. – Но я не тот идиот, за которого вы меня приняли. Вы выслушайте меня.

И Дагун изложил всю сложившуюся ситуацию, которую они накануне обсуждали у Мовты. Рассказал даже о том, как им пришла в голову идея с вертолетом. Начальник и присутствующие в кабинете по-другому уже отнеслись к визиту Дагуна. Вопрос тут же был решен положительно. Договорились, что мощный транспортный вертолет семейства «Ми-8» прилетит к часу дня в райцентр, откуда мы должны забрать невесту, и сядет на поляну у околицы села рядом с проходящей автомобильной дорогой. Во избежание всякого рода непредвиденных ситуаций договорились также, что до поры до времени о транспортировке невесты никому сообщать не будут.

***

В назначенный день свадьбы в доме Мовты с утра было хлопотно. Самые близкие родственники были в сборе. Нет-нет, подходили и другие гости. Хотя кульминация такого мероприятия приходится обычно к прибытию невесты в середине дня. Но жизнь внесла свои коррективы в сегодняшний распорядок дня, так как случилось непредвиденное. Накануне в один из домов в селе пришло горе. Ушел из жизни глава семейства, который являлся дальним родственником Мовты. И жил он рядом со школой, на спортивной площадке, на которой и планировали посадить вертолет с невестой. В другом случае, при других обстоятельствах свадьба была бы отложена и перенесена на более поздний срок. Здесь же решили мероприятие не затягивать, невесту забрать, но свадебные торжества в доме Мовты не проводить. Конечно, случившееся сильно осложнило планы на сегодня. Но надо было выходить из положения. В двух-трех километрах от села находились пионерские лагеря. Решено было, что вертолет произведет посадку на футбольном поле одного из них. Там же будут собираться и все гости, прибывающие на свадьбу. В ожидании прилета вертолета с невестой там же организуют музыку, будут танцы. Есть и детям где поиграть.

Часов в 10 две машины тронулись от дома жениха. В них находились мулла, двое авторитетных родственников Мовты в роли сватов, Хамзат, две сестры жениха и его совсем юный двоюродный брат в качестве видеооператора. Условились, что делегация по прибытию на место совершит все традиционные в таких случаях свадебные обряды. Дождется прилета винтокрылой машины и только тогда сообщит родственникам невесты о своем намерении доставить невесту в дом жениха по воздуху. Затем везут невесту к вертолету, который произведет посадку на поле, расположенном на окраине села. Сама площадка находится буквально в 500-х метрах от родительского дома невесты. Подъехав на машинах к вертолету, невеста и сопровождающие ее лица пересаживаются в него. Вертолет тут же поднимается и улетает в южном направлении. План был такой. Как получится на деле – знал только Всевышний.

Через два часа с небольшим машины со сватами доехали без приключений до места назначения. Там их уже ждали. Встретили гостей, как и подобает, тепло и радушно. Родительский дом невесты впечатлил гостей своими большими размерами и богатым интерьером. Прибывших женщин повели сразу в комнату невесты. Сватов пригласили за празднично накрытые столы, заставленные всевозможными яствами. Все улыбались, шутили, атмосфера соответствовала такому важному мероприятию. Щупленький любитель-видеооператор, привезенный гостями с собой, носился с массивной кинокамерой «Панасоник», которая еле умещалась на его хрупком плече. Он старался запечатлеть все происходящее. То кружил вокруг столов, за которыми сидели добродушные

хозяева с гостями, то убежал в комнату невесты, где царил обычная в таких случаях суматоха.

Мулла, выполняя свою главную миссию, провел в соседней комнате обязательный обряд с участием невесты. На главный вопрос муллы, согласна ли она стать женою Мусоста, невеста ответила утвердительно. Соблюдая и остальные формальности обряда, процедуру на этом закончили, и мулла вернулся к столу. Все уже поели, попили, но вставать из-за столов не спешили. Хозяева ждали, когда гости засуетятся, собираясь в дорогу. А гости, переглядываясь друг с другом, с волнением ждали, когда услышат стрекот вертолета в небе над селом. Ненадолго воцарилась неловкая пауза, ее тут же прервал мулла, который повел разговор о предопределенности человеческих судеб.

– В исламе судьба – это не случайность, не слепой рок. Судьбой каждого человека управляет Всевышний, – начал он. – Вы думаете, то, что мы сегодня находимся здесь, – это случайность? Отнюдь. Наши молодые еще не родились, когда их судьбы были уже предопределены Всевышним. Но в исламе дается выбор между добром и злом. Только от самого человека зависит, какая у него будет судьба: праведная или беспутная.

– И вот что я хотел бы добавить, – продолжил мулла. – Чего скрывать, найдутся злопыхатели с обеих сторон, которые будут подвергать сомнению правильность заключаемого сегодня брака. Про нас будут говорить: «Неужели они не могли найти невесту у себя дома?» Про вас то же самое будут говорить: «Неужели они не могли выдать свою дочь у себя дома?» Зачем обоим сторонам этот «генара захало»? Так вот, я им хочу ответить: не берите грех на душу. Этот брак заключен на небесах, он от Всевышнего. И как в той, ставшей у нас знаменитой, притче, раз молодых и их родителей устраивает этот брак, если им – хорошо, то пусть всем остальным будет – ладно, – весело закончил он свой монолог, подмигнув при этом одному из хозяев.

– А что за притча? – спросил тот.

– У нас все знают эту притчу. Хас-Магомед, расскажи-ка, – улыбаясь, обратился мулла к одному из сватов, который приехал с ним.

– Когда чеченцы находились в высылке в Казахстане, наш односельчанин Зубайра женился в начале 50-х годов, вопреки воле своих родителей. Его избранницей оказалась не односельчанка, а девушка из соседнего в Чечне села. Отец Зубайры, Иса, был недоволен выбором сына, так как у него с женой (матерью жениха) была на примете девушка из хорошо знакомой семьи с их села. Зубайра был поставлен об этом в известность, но проявил своеволие. Родителям пришлось смириться. Однако досада и обида не отпускала их. Об этом знали все родственники Исы, его соседи и друзья. И каждый раз при встрече подначивали его, как бы подстрекая, одним и тем же вопросом: «Ну, как сноха? Доволен ли ты ею?» Иса мужественно уходил каждый раз от ответа. Не мог он довериться людям, чтобы они потом при каждом удобном случае (он-то знал) посмеивались над ним. Однажды, когда эти вопросы порядком уже надоели, Иса положил им решительный конец своей, ставшей впоследствии афоризмом, фразой: «Зубайре – хорошо, Исе – ладно!» Больше никогда ни у кого вопросов к Исе по поводу невестки не возникало, – закончил Хас-Магомед. Все оживились, заулыбались. Притча всем понравилась.

Не прошло и минуты, как наконец-то вдалеке застрекотал вертолет, жужжа, как стрекоза. Шум приближающейся винтокрылой машины все усиливался. Вертолет сделал пару кругов над селом, как бы давая сватам понять, что он на месте. Гости торжествующе и многозначительно посмотрели друг на друга.

– За нами, кажется, прилетели, – объявил мулла. И сообщил хозяевам потрясающую весть: вертолет, кружащий над селом и уже привлечший внимание всей округи, прилетел за невестой.

Тут началось такое. Все в огромном родительском доме невесты пришло в движение. Новость, что невесту будут забирать на вертолете, моментально стала достоянием каждого. Сказать, что она сильно удивила всех, значит,

ничего не сказать. Новость всех ошеломила. Но наступило время собираться в дорогу. Хамзат направился к комнате, в которой готовили невесту. Прошла традиционная процедура «купи-продай». Немного поторговавшись для приличия, Хамзат заплатил символическую сумму зелененькими родственнице невесты – выкуп за невесту. И со словами:

– Бисмиллах! Ирахьманирахьм... С сегодняшнего дня ты становишься нашей снохой, – взял за руку дрожащую от волнения и смущения Зулай.

Со всех сторон в адрес молодоженов неслись пожелания счастья, мира и согласия. Хамзат, тоже заметно волнуясь, с невестой, которую он держал за локоток, торжественно и величаво прошел через длинную прихожую, по обе стороны которой выстроились ряды провожающих. Под их одобрительные возгласы процессия медленно спустилась по парадной лестнице, у которой уже стоял автомобиль. На его заднем сиденье невесту ждала одна из сестер жениха. Другая помогла невесте сесть в машину и сама села рядом с ней. Хамзат закрыл за ними дверь, пожелал всем удачи, благоденствия, помахал рукой и сам тоже сел в машину рядом с водителем. И колонна из двух машин тронулась с места.

Что удивительно, в дороге им ни разу не пришлось останавливаться. Обычно мальчишки несколько раз преграждают дорогу колонне с невестой, требуя свой выкуп. Это обычай такой. Иногда и взрослые не гнушаются заниматься таким промыслом. Особенно часто это делается на близлежащих к домам невесты и жениха улицах. На дорогу несут все подряд, что попадает под руку: жерди, ветки, бревна, куски старого кровельного покрытия. Лишь бы машины в свадебном кортеже не могли проехать. Местные мальчишки заранее знали о сегодняшнем событии и были подготовлены к нему. Но их планы нарушил прилетевший вертолет. Правда, он был не голубым, как в той любимой всеми детской песенке Крокодила Гены из популярного мультфильма, а цвета хаки. Но вполне может оказаться, что на нем прилетел вдруг волшебник, который и кино им бесплатно покажет, да еще и все пятьсот эскимо оставит. Вся ребятня убежала на окраину села поглазеть на это чудо. Поэтому дорога и оказалась свободной и до вертолета доехали быстро.

И вот какая картина предстала перед ними. Вокруг вертолета собралась огромная толпа зевак, которые пришли, прибежали, приехали поглазеть на этого монстра, похожего на гигантскую стрекозу. Толпа все увеличивалась. Автомобили, следующие в оба направления по проходящему рядом шоссе, съезжали на обочину, останавливались. Люди с них тоже присоединялись к толпе и наблюдали за происходящим. Никто не знал, с какой целью прилетел вертолет, как долго он будет еще стоять. Вопросы друг другу повисали в воздухе. Двигатель вертолета не был выключен и его длинные лопасти продолжали вращаться. Воздушные потоки ураганной силы заставляли людей держаться на расстоянии от машины. Особенно любопытным, которым не терпелось подойти ближе к вертолету, приходилось наклоняться вперед.

– Почему они не выключают двигатель? Как посадить невесту на борт машины в такой экстремальной ситуации? Что станет с прической невесты, с ее свадебным платьем? – эти и другие вопросы промелькнули в голове у Хамзата. Он даже подумал, что пилоты не выключают двигатель, опасаясь непредсказуемых действий со стороны толпы, чтобы в любой момент можно было подняться в воздух. Не надо забывать о том, что здесь, на Тереке, дислоцировалась так называемая оппозиция к власти. Да мало ли что могло произойти?

Тут он увидел, что на вертолете их заметили. Открылась небольшая дверь транспортного отсека вертолета, которая располагалась сбоку, недалеко от кабины пилотов. Из нее выпрыгнул человек в гражданской одежде и стремительно подбежал к машинам с невестой. Им оказался дальний родственник Мовты и его братьев, который тоже прилетел с вертолетчиками за невестой. Он и сообщил Хамзату, что у ребят аккумулятор на машине слабенький. Поэтому они и боятся выключить двигатель.

Предстояло под этими мощными потоками воздуха, разгоняемого вращающимися винтами машины, доставить невесту на борт. Хамзат дал команду племянницам вывести невесту из машины. Увидев невесту, толпа ахнула. Теперь всем стало понятно, почему прилетел вертолет. Сразу встал другой, не менее интересный вопрос: чья же она дочь, эта возмутительница спокойствия? Но опознать невесту не получилось. Хамзат снял с себя легкий пиджак, накинул его на голову невесты, чтобы хоть как-то не повредить ее прическу. Нагнувшись вперед и слегка отворачиваясь в сторону, он побежал вместе с невестой к вертолету. Сопровождающие таким же образом последовали за ними. Мощные потоки воздуха мешали продвигаться вперед, чуть ли не срывали с них одежду. Добежав до трапа, Хаваж первым запрыгнул в чрево вертолета, затем помог подняться по приставленному небольшому трапу сначала невесте, а затем и племянницам. Поднялись и остальные, кто должен был лететь: один из сватов, видеооператор и родственник Хамзата, который прилетел на вертолете. Волосы у всех были растрепаны, порывы ветра привели их в ужасный беспорядок. И только у невесты прическа сохранилась в первозданном виде благодаря находчивости Хамзата.

Кабину пилотов отделяла от отсека, в котором расположилась свадебная процессия, небольшая стеклянная перегородка. К тому же верхняя часть этой перегородки отсутствовала. Один из пилотов повернулся и коротко проинструктировал пассажиров вертолета, как вести себя при взлете, полете и посадке. И в заключение предложил пристегнуть ремни безопасности. На что один из летевших пошутил:

– Боитесь, что мы выпадем?!

– Ну, смотрите сами. Настаивать не будем, – улыбнулся пилот в ответ.

Хамзат подошел к перегородке, передал вертолетчику черный пластиковый пакет и попросил вытряхнуть его содержимое за окно, когда вертолет поднимется. Пилот взял довольно увесистый пакет, подозрительно посмотрел на Хамзата и спросил:

– Что у тебя там?

– Денежки детишкам на мороженое...

Летом 1993 года Россия вышла из рублевой зоны СНГ, объявив о прекращении хождения на своей территории советских рублей. Были введены новые бумажные деньги номиналом в 100, 200, 500 рублей, а также 1000, 5000, 10000 и 50000 рублей. Покупательная способность этих денег была низкой. При курсе 1000 рублей за 1\$ деньги, по сути, обесценились. К тому же, поговаривали, что в Ичкерии скоро будут вводить свою национальную валюту – нахар.

В такой ситуации Хамзат специально заготовил несколько тугих новеньких пачек денег в банковской упаковке достоинством в 100, 200 и 500 рублей. В каждой из которых обычно бывает 100 купюр или, как их еще называют, казначейских билетов. При этом в финансовом плане Хамзат не очень-то и пострадал, не разорился. Зато детишкам сколько радости будет! Он вскрыл эти пачки, перемешал все хрустящие банкноты и собрал их в довольно внушительный пакет. Тот самый пакет, который он только что передал пилоту.

Наконец взревел двигатель вертолета. Винты, которые не останавливались ни на миг, стали вращаться с еще большей скоростью. Стальная машина вздрогнула, затряслась и оторвалась от земли, словно большая неторопливая стрекоза. Сухая прошлогодняя трава вместе с пылью поднималась потоком воздуха, создаваемым винтом машины. Вертолет взмыл и метрах в тридцати от земли завис. Под ним прыгала, кричала что-то, махала руками собравшаяся толпа людей. Вертолетчик открыл форточку в боковом окошке кабины, высунулся в него с пакетом и высыпал его содержимое на головы людей. Часть денег, подхватываемая потоками воздуха, устремилась вверх, часть разлетелась во все стороны. А вертолет устремился вперед.

Виновница торжества сидела, как ей и подобает, молча, потупив свой взор, устремленный под ноги. Она старалась ничем не выдавать своих чувств. Зато остальные восторгались открывающимися с высоты птичьего полета чудесными

пейзажами. Погода стояла чудесная. Ярко светило солнце. По голубому небу ползли редкие белые облака. Картины внизу менялись, как в калейдоскопе. Медленно проплывали поля: заброшенные серые, свежеспаханные, черные и густо-зеленые, засеянные озимыми. За ними серпантинном вилась дорога, по которой, словно игрушечные, туда-сюда сновали автомобили. От одного окна к другому носился парнишка-видеооператор, стараясь запечатлеть все это.

Над городом вертолет пролетать не стал, обогнул его с западной стороны. Время в полете оказалось не таким большим. Всего каких-то сорок минут. И вот уже незаметно стали подлетать к пионерскому лагерю. Он располагался на северной стороне хребта, который тянулся с запада на восток. Сразу же за хребтом располагалось село жениха. Но туда лететь не стали, как и договаривались. А внизу, на футбольном поле пионерлагеря, вертолет встречала другая уже многочисленная толпа. Все отчаянно жестикулировали, махали руками. Дети бегали, прыгали, скакали вприпрыжку от восторга. Раззадоривая толпу, вертолет стал делать круги. Пилоты не сразу заметили, что погода вдруг стала потихоньку меняться. Такая смена погоды – привычное явление здесь, в предгорье, особенно весной. Солнце исчезло, со стороны Аргунского ущелья, которое начинается здесь же, набежали свинцовые тучи, небо потемнело, и начал накрапывать дождь. Встречающие, не желая намокнуть, стали разбегаться кто куда. Кто-то спрятался в здесь же стоящих на поле машинах, на которых они приехали. Кто-то укрылся в беседках, расположенных недалеко от приготовленной посадочной площадки. Вертолет покрудил еще какое-то время и завис в двух-трех метрах от земли. Хамзат подошел к кабине вертолетчиков и прокричал:

– Почему не садимся?

– Площадка неровная, уклон превышает допустимые 7 градусов. Трава мокрая. Еще и ветер, хотя и несильный. Есть опасность, что вертолет не устоит и скатится. Для посадки надо искать другую площадку, – скорее всего, вертолетчик убеждал себя в правильности принятого им решения, чем объяснял Хамзату сложившуюся ситуацию. А, может быть, и то, и другое.

Вертолет снова стал набирать высоту под усиливающимся дождем. Затем он перелетел через проходящую рядом автомобильную дорогу и примыкающую к ней ореховую рощу. И оказалось над свежеспаханной полосой поля шириной около 40 метров, которая перпендикулярно к дороге тянулась вдаль. С одной стороны полосу обрамлял кустарник, куда могли подъехать автомобили. С другой стороны на протяжении всей полосы тянулся склон. Но на одном его месте пилоты все-таки нашли более-менее подходящую небольшую площадку и подлетели к ней. Вертолет закружился на месте, всеми своими действиями давая понять встречающим, наблюдавшим за ним из машин, что он собирается производить посадку. А потом снизился и ненадолго завис над выбранной для посадки площадкой. В это время на противоположной стороне к кромке поля подъехали автомашины. Из них выскочило несколько человек, которые отчаянно замахали руками. Они громко что-то кричали, призывая вертолет садиться на пахоту прямо перед собой, куда они и показывали. Но там садиться тоже нельзя, поверхность площадки должна быть еще и твердой. А на мокрой пахоте шасси вертолета могло провалиться и увязнуть по самую раму. Несмотря на громкие крики и призывы встречающих, вертолет сел на выбранную им площадку. Его лопасти продолжали вращаться. Двигатель, как и там, на Тереке, не выключался. Между тем, дождь постепенно нарастал, превращая пахоту в месиво. Ждать, когда дождь прекратится, смысла не было. Еще неизвестно, когда он закончится. Надо было выходить. И тогда один из сватов, который летел на вертолете, воскликнул:

– Это же божья благодать! Верный признак того, что брак, заключаемый сегодня, одобрен небесной канцелярией! Хвала Аллаху! Айда на выход!

– Вперед! – крикнул еще кто-то.

– Ну что, девочки-мальчики! Все, что ни делается, все к лучшему! Первый пошел! – скомандовал, скорее всего, для самого себя Хамзат и первым

спрыгнул на землю. Приставил к вертолету заготовленный небольшой трап из двух ступенек и помог невесте спуститься по нему на землю. Остальные последовали их примеру. В лицо тут же хлестко ударили крупные капли дождя. Вращались неистово длинные лопасти машины, разгоняя потоки воздуха и струи воды. Ураганный ветер срывал фату с невесты. Полусогнувшись, неестественными движениями она пыталась ее удержать. Ее белоснежное кружевное платье трепыхалось на ветру. Все моментально промокли до нитки. Плотная стена дождя не позволяла видеть хоть что-то. Никто не знал, что делать и как преодолеть эти 40 метров, чтобы добраться до встречающих машин. У Хамзата возникло желание взять невесту на руки и побежать. Но эту мысль он тут же отогнал. Тем более, он мог увязнуть в этой жиже под ногами и плюхнуться вместе с невестой на руках.

И тогда Хамзат в отчаянии закричал и замахал свободной рукой, обращаясь к встречающим на той стороне поля:

– Черт возьми! Ну, что вы стоите?! Бегите сюда! Принимайте невесту!

Это подействовало. Двое племянников Хамзата, утопая по щиколотку в этом буром месиве, перебежали через пахоту к сошедшим с вертолета. Молча подхватили невесту с двух сторон под локоть и буквально потащили ее. Маленькие изящные ножки невесты, обутые в шикарные туфельки на высоком каблуке с налипшей грязью, поочередно то проваливались, то мелькали в воздухе, когда сопровождающие буквально под локоть выдергивали ее из грязи. Иногда ребята проваливались и сами, но каким-то чудесным образом умудрялись продолжить свой путь. Ливень не прекращался. Фантасмагория какая-то, и только!

Наконец-то дистанция была преодолена. Грязные, мокрые, посиневшие от холода и ветра участники свадебной процессии вместе с невестой добрались до машин. Кто-то догадался сразу укутать невесту в разноцветное одеяло, которое нашлось в одной из машин. Машина с невестой и ее сопровождающими с пробуксовкой взяла с места в карьер. Остальные автомашины рванули ей вслед. Выскочив на шоссе, они на бешеной скорости понеслись в село, не обращая внимания на лужи и на стену дождя. Дорога была свободной, никто их не останавливал. Кorteж автомашин, не снижая скорости, под звуки непрекращающегося весеннего дождя летел в село к дому жениха.

***

Я закончил свой эмоциональный рассказ. Мы продолжали сидеть в неподвижной тишине. Стояла глубокая ночь. В купе на потолке горел тусклый свет ночника. Было немножко прохладно. Поезд ехал по бескрайним калмыцким степям, привычно погромыхивая и покачиваясь на рельсах. Мой рассказ от 3-го лица произвел на супругов сильное впечатление и не перебивался ни разу. Но вопрос Вахида, прозвучавший после некоторой паузы, был логичен:

– А тебя как зовут? Столько общаемся, а ты не представился даже.

– Да, мы с самого начала не сделали это, а потом, задним часом, как-то неловко было. Пока не представится случай. Как сейчас, – улыбнулся я в ответ.

– Я давно догадалась, что ты – это Хамзат, – вступила в разговор женщина.

– Жаль, что я не такой догадливый, – хитро и задумчиво произнес я. И это прозвучало как вопрос: «А тебя как зовут?»

– Фатима, – тут же сообразила она.

И продолжила:

– Твой безумно интересный рассказ – это готовый сценарий для захватывающего приключенческого фильма. Я эти подробности не знала.

Я слышал, конечно, всякие небылицы от третьих лиц, которые отличались по содержанию и, порой, противоречили друг другу. Кто-то явно преувеличивал и привирал, кто-то упустил что-то, а кто-то и вовсе искажал происходившее в тот день. Наши новые родственники тоже знали обо всем только из путанных

рассказов своих односельчан. Так вот, мне очень интересно послушать рассказ очевидца тех событий, как говорится, из первых уст.

И Фатима начала свой рассказ:

– Да. Я, волей случая, оказалась тогда свидетельницей происходившего у нас на окраине села. В тот день мы с братом и его семьей проезжали рядом с тем местом, где села эта огромная железная машина. Смотрим, стоит какой-то монстр с вращающимися длинными лопастями, с невыключенным двигателем. Вид угрожающий. Дети, которые ехали с нами, сразу закричали от удовольствия иметь возможность поглазеть на него. Мы остановили свою машину на обочине и подошли к толпе, которая окружила вертолет и шумно что-то обсуждала. Никто ничего не знал о цели прилета вертолета. Выдвигались разные предположения. Но в одном сходились все – прилетели «дудаевцы». Пилоты вертолета не выходили из кабины. По тому, что двигатель машины не выключался, все ожидали, что она вот-вот взлетит. Никто не уходил. Наоборот, количество людей, одолеваемых любопытством, все прибывало и прибывало. Все ждали развязки. И тут с автодороги, проходящей рядом, съехали два черных «мерседеса» и направились в нашу сторону. С первой, едва успевшей остановиться, машины выскочил молодой человек, оказывается, это ты, – посмотрев на меня, улыбнулась Фатима и продолжила:

– С задней машины вышли респектабельные солидные мужчины и парнишка с огромной кинокамерой, которую он тут же поставил на плечо и начал снимать. Затем с вертолета прыгнул мужчина, подбежал к подъехавшим на автомашинах и что-то им сказал. Люди в толпе не понимали происходящего. Тут открылась задняя дверь первой машины. Вылезла молодая женщина, которая сидела с края. А молодой человек наклонился к машине и за руку осторожно стал выводить невесту. Женщины, сопровождавшие ее, помогали ей. Вот теперь все все поняли. «Дудаевцы», оказывается, прилетели за невестой. Собравшиеся пытались друг у друга выяснить, кто же эта невеста, чья она. Приходилось неистово кричать из-за шума винтов. Но никто ничего не знал. Разглядеть лицо невесты тоже было невозможно: ее голова, покрытая фатой, была опущена. А тут еще и ты снял с себя пиджак перед посадкой и накинул на нее. Короче, невеста и все сопровождающие ее погрузились в вертолет. Он поднялся, завис ненадолго и устремился в сторону Терского хребта. С вертолета полетело множество каких-то бумажек. Они, разгоняемые потоками воздуха, порхали вверх, вниз, по сторонам. По каким-то непонятным законам физики, парящие в воздухе разноцветные денежные купюры динным шлейфом тянулись за вертолетом. Все думали, что это листовки, и особого ажиотажа это у толпы не вызвало. Но тут первые бумажки долетели до земли... И это были денежные банкноты! Что тут началось?! Дети, женщины и, словно нехотя, мужчины, толкая друг друга, побежали вслед за улетевшим вертолетом. Они еще в воздухе пытались поймать каждую летящую банкноту, спотыкались, падали и снова вскакивали. Зрелище было еще то! А с неба все летели и летели, планируя, как сережки клена, новенькие казначейские билеты, приводя в исступление людей, на которых нежданно-негаданно посыпалась, в прямом смысле этого слова, манна небесная в виде денежного дождя.

– А вы знаете? Через полгода после описываемых событий мы, то есть вся наша родня, оказались в ваших краях в качестве беженцев. И прожили там почти полгода, но это уже другая тема, – подытожил я.

– Ну, хорошо. Ты скажи: как сложилась жизнь у Мусоста с Зулай? – спросила напоследок Фатима.

– Тьфу, тьфу... У них сложилась многодетная и счастливая семья. И им хорошо, и нам ладно, – засмеялся я.

Мусаева Малика

Исмаълал

Дийцар

– Бехк ма биллаш, бухгалтери хлара юй? – йиллина лаьтгачу неларех чу хьабжира ткьа шарере ваьлла хир волуш, юьхь тлера беран бос банза волу жима стаг.

– Ю. Чохьба вала.

– Хлара кехаташ, тле мухлар тоьхна дац аьлла, юхадахкийтина тхуна, – бехкала вахана шегара кехаташ схьакховдийра кланта.

– Хьо муьлхачу туйканчуьра ву? – хьаттира чохьболчарех цхьамма.

– «Глория Джинс», – жоп делира кланта.

Реза йоцуш, сихха кехаташ схьаэцна, тлехьабжира коьрта бухгалтер. Тлаккха елакьежна:

– Хьажахь, дан а ма дац. Хлорш муха дитина хилла ас? – олуш, шена ишкапан глуткхи чуьра схьаэцна, мухлар туйхира цо кехаташна тле.

– Хьо хлун болх беш ву цу чохь?

– Урхалча.

– Хьайн цле а, телефонан лоймар а алахь соьга. Нагахь, шуйца къастон дезаш глутлакх хилча, хьобга эр дара аса, шу коьрта офисе телефон ца етташ.

Клентан цле Исмаълал яра. Хаза цле яра, клант ша санна хаза. Иза эхь хеташ лаьтгара, дласа ца хьажа глерташ, шен кехаташка хьобжуш, ша бляьрг тлера баьккхича, уьш довр долуш санна.

– Дела реза хийла. Лодика йойла шун, – хезаш-ца хезаш олуш, неларехь къайлавелира иза.

Цул тлаьхьа нагахьа воьгура Исмаълал, бухгалтерера кехаташ дладахьан а, коьрта офисера дайитина кехат дохьуш а.

Исмаълал эхь-бехк долуш вара. Эрна къамелаш а ца дора. Шен балх тлехь дика ларавора, накьосташа, жима волушшехьа, лара а лорура.

Нагахьа, туйкан чу хлумнашка хьовса дахча, гора бухгалтерера зудаберашна Исмаълал.

– Де дика... могуш-парглат... со хьажа оьшуш хлума... оьшуш хилахь, со схьакхайкха... – хаза вист хуьлий, длавовьдура хлоразза а.

– Де дика дойла. Хлара бухгалтери юй? – чохьба велира лекчочу деглаьхь клант.

– Ю.

– Суна счеташ езара карарчу баттана.

– Хьо муьлхачу туйканара ву?

– «Глория Джинс».

Туйкан цле хезча массо а кланте хьабжира. Некха тле латийначу кехата тлехь клентан цле яра.

– Хьо хлун болх беш ву цу чохь? Хинцалца Исмаълал воьгура кехаташ дладахьа, – шеконца хьаттира коьртгачу бухгалтеро.

– Исмаълал отпускехь ву. Со цуьнан метга ву, иза араваллалца, – жоп делира Ахьмада.

Цул тлаьхьа а Ахьмад веара кехаташ дладахьа. Туйкан чохь а ца гора Исмаълал.

Кхоалгта а счеташ даяхьа Ахьмад веьча коьртгачу бухгалтеро цхьа бен доцуш элира:

– Исмаълалан отпуск ма еха ю. Шуна-м дика ма ду, иштта еха отпускахь йолуш.

Клант цецвелира. Тлаккха:

– Иза Ростох вахана ву. «Цле ца йоккху» лазар ду аьлла цунна, – элира.

Белита юьйхира, ша ца йоглуш йинчу забарна эхъ хетта.

– И суна хезна дацара. Дала маршал дойла цунна.

Массара «Амин» элира.

Цхъа тийна есалла йоьссира кабинета чу, сингаттаме есалла.

Хан йоьдура, цхъанаэшшара, хьалхачул сиха я меллаша доцучу боларца. Массара шайн болх а бора хлетталца ма-барра. Хлора багтахъ Ахьмад воглура кехаташ дладахъа, наггахъа хлокхара шаьш туйканчу дла а хьора уьш. Цхъана юкъянна «Исмаьлалера хлун ду?» – олуш хетта а хиттира, дуьхъала: «Кхин хийцам бац», – жоп а хезаш. Тлакха, цхъа хан еара Исмаьлал хатта цхъанне а дага ца доглуш.

Иштта йицло шен йоцу глайгла, вицло стаг а, шен чуьра воцу стаг, хьуна цкъа а вицлур вац аьлла хеттарг а.

Февраль бутт. Оршот де. Керла белхан клира. Кхеташо. Болх. Кабинет чу горгам хьокхуш йолу Зина тахана къамелана тлера яц. Йистхуьлуш къажар а ду цхъа нуьцкъара, ца ялла... Эххара, шегара глайгла совьйолий, Белитехъа йоьрзий, долада:

– Хьажахъ, ма кхоам бара цуьнан, мел жима вара иза... «Глория Джинс» туйкан чохъ болх беш хилла Исмаьлал вевзарий шуна? Хьалха вара и цу чохъ, цхъа ах шо хьалха. Тахана луьйранна цу чохъ болх беш йолчу лайшата дийцикх суна, иза длаваьлла аьлла. Германехъ хилла иза, дарба дан вахана. И дагара дла ца волу суна, – елхар эькхаш, бляьргех йовлакхан тлам хьокху Зинас.

Ткъес кхета, шен суйнаш чохьболчеран дегнех детталуш. Муха... маца... Дала геч... ийманца собар...

Жоп доцу хеттарш, кадамаш, длаоьцуш стагга а воцуш... Бляьрхиш...

Дуьне дасделира. Муха хуьлу иштта, кегийнаш дуьненчуьра длаоьхуш? Тяхъаьжна, могошаллех вуьззина волу жимха лазаро клелахьош, хьошуш, вууш, хлаллаквеш... Дерриг дахар хьалха ду, деха дахар, ирсе дахар, уггаре самукъане денош, аьлла хеттачу хенахъ дахар хедаш, еха оьмар къаго летта седа цлехъана длабовш...

Иштта хлунда хуьлу?

Цхъанаюккъана туйкан чу ваьлча, дло неларх Исмаьлал гучу вала везаш санна хетара. Хлуманашка хьовсуш лелаш болчу нахах цхъацца тар а лора цунах. Цхъаьнаюккъана...

Хан елира. Хлуммаъ хийца ца делира. Туька а ю болх беш. Нах бу цхъаццанхъа кхача сихбелла дласаоьхуш, машенаш а. Хлумма а ца хийца делла дуьненахъ. Амма цунна чохъ Исмаьлал вац. Иза длавахна, цу чохъ кхин ца хила. Цо дуьненна шех лаьцна сирла ойла йитина, наггахъ, ша вевзаш хиллачарна коьрте ян, сирла ойла. Вацап чохъ статус а:

«Мир – это не фабрика по исполнению желаний», иза язъйна де а лаьтташ: 16.09.2016.

Гиллакх-оьздангалла**Ахмадов Муса****Нохчийн гиллакх-оьздангалла***ТIаьхье. Юьхь еша №№3-4 – 11-12 (2016)***V-гIа дакъа****Нохчийн оьздангаллехь Iаламца а, кьинхьегамца а йолу юкъаметтигаш**

Нохчийн кьоман оьздангаллехь мехала ю стеган Iаламца йолу юкъаметтиг. Iаламца, адамашца санна, лераме а, кхоаме а, кьинхетаме а хилар тIедужу стагана. Цундела цуьнан акхарошца, цIахь лелочу хьайбанашца, олхазаршца, лаьттаца, хьаннашца, хишца, цанашца хила йогIу юкъаметтигаш билгалгьяьхна гиллакхашкахь. Уггар а хьалха шен цIахь долчу хьайбанийн доладар: уьш меца цадитар, эхнах лардар, царна чохь латта меттиг кечьяр, цомгаш хилча, дарба лахар тIедужу стагана. XIунда аьлча, цкъа делахь, Дала стаге шен дегIах а, доьзалх а санна, жоп доьхур долуш ду цуьнан даьхнех а; шолгIа делахь, цо лелочу даьхница цуьнан йолчу юкъаметтиге хьаьжжина билгалдаккха тарло хIора стеган оьздангаллин сурт-сибат.

Оцу хьокъехь ду хIара халкъан дийцар а: «Нахалахь дика цIе яхна эла волчу боьлхуш хилла и санна болу элий. Шашь хьошалгIа доьлхург вуьйцуш хазар бен, кхин гина везаш а ца хилла царна. Цуьнан маьха дIакхьяьчча, цхьана жаIуьнна тIелиттабелла хIорш. И жаIу хIинцца бехкина жий дIаIалашбеш, Iахар ненах бакхийта гIерташ воллуш хилла. Салам делла, тIехIиттинчу хьешаша хьаттина, эла цIахь вуй аьлла. «Ву, дIа чу гIо, хIинцца чувогIур ву шуна – аьлла, жаIуьно хIусаме чубахийтина хьеший. Кхано шен жий Iалашбина а ваьлла, чуваьхна эла. Хьешашна жаIу ву моьттинарг ша эла хилла. Цунах кхеттачу хьешаша, и тайпа болх а, кхуьнан духар а элица догIуш шайна ца хетар цабашарца къадийна. Дукха ца Iаш, хьеший, шайн хIусамдена реза а ца хилла, дIабаха новкъабевлла. Новкъахь цхьа къуй тIе а летта, цаьргара говраш а, герзаш а дIадаьхна. Баьхкина, буьйсанна юккъехь гIаш юаьхьяьчна хьеший, гIел а белла, ара а белла. Дийцина цара шайна хилларг. Хьеший паргIат а бовлийтина, араваьлчачу элас, оцу къуйшна тIаьхьа а кхиьна, схьяьхна юхаерзийна церан говраш а, герзаш а. Цунах бакхийбеш, баркаллаш бохуш хьаьвзина хьеший. Ткъа хIусамдас цаьрга аьлла: «Со сайн даьхнийн лай ву шуна, шу санна болчу нехан эла а ву шуна».

XIокху дийцаран масех маьIна билгалдаккха йиш ю вайн. Уггар хьалха, адаман хьайбанца кьинхетаме юкъаметтиг хила езар гойту кхузахь. «Мотт бийца ца хуучу хьайбанна тIе муха кхевдар ву?» – бехк боккхуш хезна вайна, цхьамма шен керта гIоьртинчу хьайбанна чIогIа тоьхча. Ткъа XIокху дийцарехь хьешийн гуллакхе хьажарал а мехала хетта хьайбанан гуллакх. XIунда аьлча, хьайба гIийла ду адамал, ткъа гIелалла, гIорасизалла ларар, иштта волчунна орцах вахар кхечу хIумнел хьалхадаккхар деза лийрина нохчийн оьздангалло. (Бусалба динехь, хьайбанийн хьаште а хьаьжна масала, мацделла Iоьхуш делахь, цунна хIума а елла, дича могуьйтуш ду парз ламаз а.) ШолгIа делахь, нохчийн кхетамехь муьлххачу стага (и эла велахь а, паччахь велахь а) шен даьхнийн доладар а, белхан духар лелор а, къахьегар а изхье дац, мелхо а сийлахь ду. КхозлагIа делахь, сица эла хилар иза кура лелар, Iаьржачу балхах къехкар дац, оьшучохь стагана орцах валар а, цунна гIо-накъосталла дан кьонахалла хилар а ду. И маьIна ду хIусамдас шен хьешашка аьлчачу тIаьхьарчу дешнийн.

Цахь лелочу хъайбанашлахь къонахчо уггаре а чIогIа гергарло говраца лелош хилла. Иза шен нийса накъост санна хеташ а хилла, де эшначу дийнахь шена орцахъяла иза кийча юйла хууш. И тайпа масалш дукха ду нохчийн барта кхоллараллехь. Иштта, «Жерочун кIантах а, эла Манцех а долчу илли» тIехь Жерочун кIентан дин шега дIааблIачух кхеташ бу, шен да тешнабехко хьовзийча цунна орцахболу иза, цуьнан доттагIа Хаси волчу а бобдий, иза а валаво цо шен дена гIоьнна. Говрах, цуьнан дика амалш билгалIюхуш, «са цIена гила» олу халкъан иллешкахь.

Дин балар доккха вуон хетта нохчочунна, иза адам кхалхарца (тешаме доттагIа дIаваларца) дуьстина. Иштта вуон деьначу стеган дог-ойла гойтуш бу халкъан мукъам «Дин беллачу кIентан йиш». Хьеннан а дог дуткъдан а, бIаьрг белхо а ницкъ болуш йиш ю иза. Бадуев СаIидан цхьана повестан турпалхочунна шена тIекхачьна кхо вуо нана а, езар а, дин а кхалхар цхьатерра халонга долу, хьалхарчу шинна и кхоалгIаниг тIекхетча, хьекъална а оьшу иза.

Говро нохчочун дахарехь доккха маьIна лелоран билгало ю вайн маттахь цунах йоккхуш масех цIе хилар а: говр юкъяра цIе; бекъа жима говр; айгIар Iамоза говр; дин тIехуу, хохку говр; гила оьцу маьIнехь; алаша южу говр; Iаспар къена говр...

Говр, къаьсттина хохкуш ерг, чIогIа лерина лелош хилла, ша-тайпа кхача а (масала, кхерзина хьаьжкIаш, кхехкийна кIа, сула) латтош, малдой хи а малош, шен рожехь лийча а еш. Говр иштта лераме хиллехь а, халкъан кхетамо кхоьллина кхин цхьа кица а ду: «Говрах а, зудчух а ма теша». Цаьрга болчу безаме хьуо бIарз ма вайта бохург ду иза, тIех болчу безаме (тешаме) артдо лерса а, бIаьрса а; цундела говрах болу тешам шен доза долуш хила беза.

Нагахь говран иштта сий-ларам бахь а, бахамехь и санна оьшучу (къаьсттина ламчохь) хъайбане вире болу хьежам бегаше-беламе бу вайнехан. Новкъа волуш цуьнан цIе яккхар а магош ца хилла. Тайп-тайпанчу кицанаша а гойту иза: «Виро вир аьлча, вир бердах дахна», «Вирца лаьтина етт Iоьхуш хилла», «Вир баьIаш юккъехь бен Iийр дац»... И тIаьххъара кица Сулейманов Ахьмада иштта далийна шен «Ламанан хьостанаш» стихотворенехь:

Дин тIе хиьна аравалахь,
Кхочур тIамтIе я тойне.
Вир тIе хиьна аравалахь,
Вир дежачу баьIаш тIе.

Ша-тайпа хилла нохчийн бежнашка болу хьежам. Стеган хьал-бахаман я цхьана диканна, вуонна лучу томан барам хилла етт. Масала, стеган меха 63 я 70 етт хилла; зуда шен майрачух ца ешаш, цIа еьча, оцу зудчун наха «цяяшар» токхуш хилла 8 етт, и. дI. кх. а. Хьаша-да веьча, цуьнан сийнна уьстагI буйьш хилла, я хьеший дуккха а хилча сту.

Лараме хилла вайнехан хIусамехь цициг а, жIаьла а. Къаьсттина цициг. Тахана а нохчийн кхетамехь ду цициг самадаккха мегар дац, иза къилахь ду бохург. Иштта, шен кIорга маьIна долуш дийцар а ду вайн барта кхоллараллехь.

Цхьана доьзалехь дехаш цициг хилла. Ткъа оцу доьзалан да цициган мотт хууш хилла боху. Цхьана дийнахь цунна хезна цициго шен кIорнешка олуш: «Кестта уьстагI бу вайн хIусамден лийр болуш, жижиг дуур ду вай». Вахана, хIусамдас, и зен шена ца хилийта, уьстагI дIабобькина. Кхин цхьа ши де даьлча, юха а хезна хIусамдена цициго шен кIорнешка олуш: «Кестта етт бу лийр болуш, тIаккха жижиг дуур ду вай». Вахана, хIусамдас и етт а дIабобькина, базара а бигна. ТIаккха кхозлагIа а хезна цунна цициган къамел: «Кестта говр ю лийр йолуш...» Говрах а изза дина хIусамдас. Цул тIаьхъа хезна цунна цициган къамел: «Кестта хIусамда ву лийр волуш, тIаккха цунна тIера сагIа доккхуш жижиг дуур ду вай». Шена тIехIоьттинчу Делан кхиэлана дан хIума а ца хилла, велла, эхарта дIавирзина и хIусамда. Кху дийцаран коьрта маьIнаш

билгалдохур вай: цкъа делахь, кхузахь гуш бу Южалла а, бохам а сагIано дIатотту, цIен тIера хъайба далар а сагIа ду, цхъаьннан хан яхъеш дIадоьду и боху къоман философин кхетам; шолгIа делахь, цициг а, ткъа иштта кхин а шен цIен тIехь долу хъайба, шен хеннахь кхача а луш, Iалашдеш ца хилча, цара сатаса тарло иштта бохам цIен тIе баре; кхозлагIа делахь, цхъана а тайпана шен бахамна эшам боцуш, дерригенах а пайда баккха тIерташ, бIаьрмециг хиларо дика болх бийр бац стагана.

Цхъана агIор, вай билгал ма-даккхара, цициге лерам беллахь а, вукху агIор зудчух хуьлу гIам цициган суьртехь го нохчашна. Кхузахь оцу хъайбане шина кепара хъежам бу, нийсса вовшашна бIостане. Оцу тайпана шен чулацамехь галморзахалла йолу хъежамаш кIезиг ца нисло нохчийн къоман философехь.

Тайп-тайпана тидамаш, тешамаш бузу нохчаша хъайбанийн, олхазарийн леларшца. Шайна тIебан тарлучу бохамах, я диканах болу хаамаш санна туьду цара уьш. Иштта, юьртахь бухIа екча, я жIаьла уьгIча, цхъаь кхелха олу.

Пхъаьрчий, израш адамийн накъостий санна гойту нохчийн фольклорехь а. Дукха хьолахь, шайн дена тIекхавначу бохамах хаам беш, орца доккху цара. Масала, «Бокин Цухушан илли» тIехь, лам тIера цIа даьхкина жIаьлеш уьгIча, хIусамдас уьш дузаде олу.

Амма пхъаьрчаша
Шура а ца молу, –
Ломехъа угIу.
Дума а ца буу, –
Ломехъа угIу...

Ша-тайпа хьулдина маьIна го вайнахана зIакардохнан леларехь: нIаьна чу а йирзина, кхайкхича, хъаша воьгу олу; ткъа котам нIаьнех кхайкхича, иза ен а йийна, кхузза цIийнан тхов тIехула дIасакхосса еза, и ца дахь, цхъа бохам хиларна кхерам бу олу.

Къаьсттина юкьаметтигаш хилла нохчийн акхарошца а. Уггар хьалха хъахор вай борз. Цхъана хенахь, хетарехь Iеса дин лелочу заманахь, и экха деза а, сийлахь а лоруш хиллачух тера ду вайнаха. Цундела ду нохчийн маттахь стеган дика амалш гойтуш далош хIара тайпа дустарш: «борз санна майра», «борз санна каде», «барзал дера», и. дI. кх. а. Цхъа стаг хасто лиьча, олу: «Цхъа борз ю и кIант», «Горалера борз яI!»

Барзаца боьзна дуккха а тешамаш а бу вайнехан. Масала, барзана лен чов а йина, и ялале цунна тIера даьккхина цIога цхъамма шен безам лаьттинчунна тоьхча, и стаг ца везавала йиш яц; иштта схъадаьккхина берзан гIулг юккъехула даьккхича, шина стеган барт иэгIа; ткъа цуьнан пха багийча, хьан хIума лачкыйна стаг, и пха санна, хеба...

Цул сов, барзах «Делан туркх» олуш а ду вайн. Иза даьхнина я акхарошна тIекховдар цхъана Лекхачу Нийсонан терза нисдеш ду бохучу маьIнехь кхето деза и дешнаш. Iесачу заманахь къоман синкхетамехь барзо ша-тайпа а, йоккха а меттиг дIалаьцна хилар билгалдолу вайна лаьтта тIерачу садолчу массо а хIуманан тIаьххъара де къематде тIехIоттар а нохчаша оцу экханах доьзна хиларехь а. «Дуьне дохо кечдеш, шовзткъа дийнахь, шовзткъа бусий догIа оьхур ду. Цул тIаьхъа дерриг а лагта а, лаьмнаш а, гунаш а догIано самсадаьхча, шовзткъа дийнахь, шовзткъа бусий мох хьобкхур бу, дуьне куьйган кераюкь санна дIашардан. Оцу мохо и дерриге а ламанаш, хьаннаш, гунаш тIекIелдетташ, дIашардинчу хенахь, гила борз ялаза дийна хир ю боху. Оццул чIогIа хьобкхучу мохана дуйхьал йобьзур ю боху и борз. Кхин и борз йожа ца туьгуш, мохо меран дукъа тIехула хъала хье тIе кхаччалц долу чкъор эькхийтина, берзан ерриг а цIока озийна, цIогана тIехула эьчна чекхийоккхур ю боху. ТIаккха а мохе йожа ца луш, шек дIа а ца йолуш лаьтташ йолчу барзо Деле эр ду боху: «ХIай, веза хилла волу Дела, иштта са чIогIа, турпала ахь

ша кхоьллинийла хийнехь, хЮкху дуьненчохь са долу хЮма ца дита дуй буур бара-кх ша хьуна», – аьлла. Цул тӀаьхьа Дала дӀаоьцур ду боху цуьнан са». («Пхьармат» журнал, 1991, № 1).

Борз коьрта экха а, вайн кьоман коьрта маьӀне хьаьрк а хилар доьзна ду цуьнан амалшца: гуттар а, юхахьажар доцуш, мостагӀех лата кийча хилар; нагахь шен ницкъ эшахь, кьарьелла буха цасацар; дукха хьолахь, арданге ца хьобжуш, шен хьашташ ша кхочушдар; уггаре коьртаниг цунна маршо езар. Нохчаша ша-тайпа ларам беш экха ду сай. Иза тӀаьххьарчу хенахь вайн хьаннашкахь дацахь а, цхьана хенахь дуккха а хиллачух тера ду. ХЮнда аьлча, вайн кьоман барта кхоллараллехь Ӏаламат йоккха меттиг дӀалоцу цо. Сай цхьалхачу кьонахчуьнца бустуш, башха лирически илли а ду халкъан, шен исбаьхьалла Ӏаламат лакхара а йолуш:

Ламанех бухдуьйлу шал шийла шовданаш
 Шен бекьачу кийранна Ӏаббалца ца молуш,
 Варша йисте ва йолу маргӀала сийна буц
 Шен оьздачу зорханна буззалац ца юш,
 Цу хьуьнан хотешкахь берзан йорт ва етташ,
 Ӏинан кӀорге ва буьйлуш, сема ла ва дуьйгӀуш,
 Ичархочун ва тоьпо лацарна ша кхоьруш,
 Мокхазар цу бердах куьран га ва хьобкхуш,
 Цу попан орамах торгӀал тӀа ва детташ,
 Лергаш дуьхьал ва туьйсуш, кур аркъал сеттабеш,
 Орцал лакха ва буьйлуш, гӀелашна ва гӀергӀаш,
 Масане сай лела гӀелашца ва боцуш...
 Вай бен дац, кӀенатий, бохуриг ца хуьлуш?!

Кхузахь буьйцург сай беллахь а, илланчас билгалйоху цуьнан амалш цхьалхачу, хӀинца а доьзал кхоьллина чуверзаза волчу кьонахчун ю: цуьнан молучу а, юучу а хЮманна тӀехь оьзда, леларехь тӀахьаьлла хилар, цуьнан сингаттамаш, карзахе, сирла ойланаш. Акхарошца санна, олхазаршца а кьинхетаме а, лераме а хилла нохчий. Иза гуш ду вайнаха берашна олхазарийн цӀераш тахкарехь а: Леча, Аьрзу, Куьйра, Кхокха, Маккхал, Олхазар, ТӀаус... Кьаьсттина сийлахь олхазар ду нохчашна чӀегӀардиг. Цо шен бен адамашна юххехь стенна бо дуьйцуш, кӀорга маьӀна долуш дийцар а ду кьоман иэсехь дисина.

«Дуьненчу хӀорд хьаьддачу хенахь, цхьана доккхачу хӀордакеманна тӀехь адаман а, акхаройн а, сагалматийн а хЮу кӀелхьарадоккхуш хилла Нухь-пайхамар. Дуккха а зама аьлча, хӀурдакема, цхьанхьа Ӏуьрг а даьлла, хих дуза доладелла. Добхна хьаьвзина адам а, экха а, сагалмат а. ТӀаккха текхарго аьлла, ша хьарча а хьаьрчина, шен дегӀаца дӀадукьур ду и Ӏуьрг, нагахь шега уггар мерза цӀий долчу хЮманан цӀий малийтахь. Массо а реза а хилла, текхарго Ӏуьрг дӀа а дуькьна, хӀорш латта долчу дӀакхьаьчна. Текхарго бумбари араьккхина, уггар мерза цӀий хьенан ду хьажал аьлла. Шена тӀедиллинарг кхочуш а дина, юхайогӀучу бумбарина дуьхьалдаьлла чӀегӀардиг. «Хьенан цӀий карий хьуна уггаре а мерза?» – хьаьттина цо. «Адаман цӀий», жоп делла бумбарис. «Схьагайтал хьайн мотт», аьлла чӀегӀардиг. ДӀагайттина бумбарис. ЧӀегӀардиг, зӀок тоьхна, дӀакхьаллина цуьнан мотт. Шена хьӀнарг текхарге дӀадийца мотт боцуш, «бу-у-у», – бохуш, лела миска бумбари хӀетахь дуьйна. Ткъа чӀегӀардиг, пхьидан цӀий дара бохура цо уггаре а мерза аьлла текхарге. Пхьидан цӀий меллачу текхаргана и мерза ца карийна. ОьгӀазьыханчу цо, чӀегӀардигах цетоьхна, амма тӀома дала кадаьллачу олхазаран цӀоганна бен тӀе ца кхьаьчна иза. ХӀетахь, текхарго юкъ дӀа а яьккхина, шалго дисна боху чӀегӀардиган цӀога. «Ас хӀинца дуьйна хьан кӀорнеш юуш, тӀаьхье кхуьуьйтур

яц хьан», аьлла боху текхарго. «И хьобга ца дайта, ас сайн бен адамашна уллохь бийр бу», жоп делла хилла чегардиго».

Оцу дийцаро а гойту вайн кьоман синкхетамехь цхьадолу акхарой, олхазарш адамийн накьостий, доттагий санна хетар. Ткъа поэта Абдулаев Лечас иштта аьлла цунах лаьцна:

Муьлххачу а туьйранехь
Турпал ву.
Турпална саьрмик бен го дийраш
Хунда ю даима
Хуманаш, дийнаташ?
Адамаш,
Шу мичахь хилла-техь?..

Иза иштта делахь а, нохчий дукха хьалхе дуьйна экханна толлуш хилла. Амма цу тлехь а, хорамма а шен каяьлларг ца лелош, шен бакьонаш а, дозанаш а хилла. Масала, талла йиш ца хилла акхарой дехкачу заманахь, я церан тлаьхь дукха жима йолуш. Стаг талла ваханехь, эха ура-атталла дежаш хилча дер а ца магош хилла нохчийн кьоман оздангалло. Шен рицкъа схьаэцийта, рицкъанах кхеташ хиларна шен само гелъеллачу экханна тешнабехк а ца беш, бохург ду иза.

Кхин цхьа бехкам а хилла таллархочун бохо йиш йоцуш. Муьлххачу а акхарочун ху хадо йиш ца хилла, шена оьшуш а доцуш, совнаха, синкьерамна эха ден бакьо а ца хилла. «Нагахь, иштта эрна, дукха акхарой дойуш стаг хилча, цунна бекхам бо Акхаройн Дас», бохуш, легенда а ю нохчийн синкхетамехь. Хетарехь, иза Тесачу заманахь кхоллаелла ю. И иштта делахь а, цуьнан оздангаллин маьна гуш ду: ахь мотт ца хуучу хьайбанашна дина зулам бекхам боцуш дуьсур дац хьуна, бохург ду иза.

Акхарой тлехь халлак ца дайтарна тлехьажийна кхин цхьа гиллакх а хилла нохчийн ладатехь. Кхо бие эха дийначу таллархочо шен тоьпан бух баго безаш хилла. Ша кхидла таллархо вац бохург хилла иза. Нагахь и ца дича, Акхаройн Дас, цо дайинчу акхаройн чир оьцуш, халлаквеш хилла иза, бохуш дуьйцу халкъан дийцарша.

Дизн магош ца хилла тлехь цхьа ша-тайпа билгало, хюст долу эха а. И кхечарах къаьсташ долу дела, цо акхарошлахь ша-тайпа маьна леладо боху тешам хилла вайнехан.

Хьайбанех, акхаройх болу кьинхетам уггаре а кегийчу дийнаташца – сагалматашца а хилла вайнехан. Къаьсттина накхармозех а, зингатех а лаьцна дукха хьекьале аларш, дийцарш ду нохчийн фольклорехь. Масала, хьанала къахьобгучу стагах, «накхармоза санна, къахьобгучу ву иза», – олу. Ткъа мало йолчу стагах, «моз доккху моза бац иза, моз дуу моза бу», я «жуккар» (никх чохь, яр бен, кхин балхана пайдена боцуш, бежа моза) олу. Зингатах долчу дийцаршкахь, оцу сагалматан къахьегарна тлера хилар гайтина ца лаш, цуьнан доьналла, собар, ира хьекьал хилар а гойту. И адамийн бен хила йиш йоцу синмехаллаш оцу зингатна яларца, нохчаша билгалбоккху шайн оцу дийнате мел боккха сий-лерам бу. «Сайн гюдаюкь хедар яцахьара, дерриге дуьне а такхор дара ас», аьлла боху зингато. Оцу аларехь халкъо тле тидам бахийтина зингат болх бан лаам болуш а, шен дегле хьаьжча, онда а хиларна.

Кхечу дийцарехь гойту юучу хуманна тлехь иза лаламат кхоаме а, озда а хилар. Цхьана хьалдолчу стага хаьттина боху зингате: «Хьуна шара чохь мел ялта тоьар дара?» аьлла. «Суна-м цхьа клен буьртиг а тоьар бара», жоп делла боху зингато. Цо дуьйцучух ца тешаш, цхьанхьа чудобьллина боху хьалдолчу стага и зингат, цу чу цхьа клен буьртиг а биллина. Цхьа шо далча, вахана, парглатдаьккхина оцу стага и зингат. Чога цецваьлла иза, зингато ах буьртиг

бен биъна ца карийча. «Со тешна дацара, аьлла зингато, хьуна, шо дладаьлча а, со дагадогӀур ду аьлла. Цундела кхоаме дара со кхачица».

ХӀокху дийцарехь а го оццул жима долчу дийнатах мел доккха маьӀна а, дахарехь адамашна оьшу амалш а йоьзна халкъо. Кхузахь хьахо деза зингатиин барз бохо мегар дац, и бохийча, догӀа догӀур ду боху халкъан бехкам а. Зингатиин баьрзнаш къаьсттина мангал хьокхуш дохадо. И бахьанехь, йочана а хилла, хьаькхна йол догӀанехь а йисина, телхар ю, цундела зингатиин баьрзнаш лар а деш, хьакха мангал бохург ду иза. Халкъо, хьекьале ю бохуш, дуккхаьчу дийцаршкахь юьйцуш ю зу; кертахь хилча беркат тӀедогӀу бохуш, цӀе яккха а ца магош ю дингад (дехкийцоьстург а олу цунах); еза ю бохуш, хьахайо сагалмат делан котам, додам... ТӀаьххьарчух боьзна цхьа тешам а бу, иза куьйга тӀе а яккхина, дӀахецча, и тӀома а яьлла дӀаяхначу агӀорчу юьртара нускал далор ду бохуш. Поэта Рашидов Шаида стихийн барамехь яздина иза:

Бай тӀера додамаш пӀелгаш тӀе йохуш,
Мичахьара далор ду ас нускал бохуш,
Шуьгахьа уьш евдча безамца вогуш,
Сатийса кхоьллина хилла-те со?..

Гуш ду вайнехан хьайбанашца, акхарошца, сагалматашца йолу юкьаметтигаш Дала кхоьллина дерриге а хӀума жима а, доккха а шен цхьа меттиг, шен некъ, шен къайле, шен маьӀна долуш ду, бохучу философин буха тӀехь хилар... Цхьа Дела воцчунна хаа йиш яц церан ма-дарра долу маьӀна, цундела Дала кхоьллинчу садолчу хӀуманашка бен доцуш хьежа таро яц оьзда стаг, ийманехь волу стаг.

Иза юкьаметтиг хила еза цуьнан чохь садоцчу Ӏаламца а. Цунах дика кхеташ хилла вайн генара дай. Цхьа а ларам боцуш, кхоамза хьун хӀаллакъяр а магош ца хилла цара. «Хьуьннан а шен да ву, олуш хилла наха. Хьуьнна дукха зен дича, цо бехкам бийр бу».

Хьуьнха вольдучу стага шен диг тӀе бехчалг хьарчайой, къайладоккхуш хилла, иза дитташна ца гайта. Ша дечиг охьатоха дӀаволавалале, «Бисмилла» а доккхий, «Везан Дела, къилахь ма ларалахь», – олуш хилла стага, ша бежанна я кхечу хьайбанна урс хьокхуш ма-аллара.

Къаьсттина чӀогӀа лерам хилла нохчийн тӀе стом латочу дитташца: Южаца, кхораца, стовца, хьайбица, и. дӀ. кх. а. Магош ца хилла уьш дечгана ягон я кхечу хьаштана царах пайдаэца. Нагахь цхьамма и дахь, нахалахь цӀе дӀайоьдуш хилла: «Кхуран дечиг дагийна хьенех», олуш. Иза изхье тӀехтохам а хилла. Нислуш хилла хьуьнакхор охьатоьхначунна кӀарлагӀа югӀуш а. Ӏаламат чӀогӀа лерам хилла стовца а. Цуьнан ши буьртиг кийрахь а болуш кхелхича, стаг декьал хир ву боху алар а ду нохчийн кхетамехь дехаш. Магош ца хилла цӀулан (цӀунан) сара тоха а. Бакьду, оцу сараца нораш доьхкуш хилла нохчаша. Нуй гутгар чохь хуьлу дела, иза езчу дечган сараца бехкар, хӀусам вуочу хӀонах ларъяран Ӏалашо йолуш хилла. Дечгех лерам болуш элхьамч, сур, хьаьмц, хьормак, кхидолу стом лун дитташ а хилла.

Стом ца лун цхьадолу дитташ а хилла нохчаша лоруш. Масала, турс; турсан дечиг чохь хилча, дика ду олуш хилла. Каралелон гӀаж я Ӏаса турсах еш хилла. Ткъа кхелхина стаг лахьти чохь дӀавиллича, цунна дуьхьал хӀиттайо упханаш ножан дечгах ю.

Цхьайолу бецаш а хилла халкъо чӀогӀа лерам беш. Царах ю, масала, хаза хьожа йолу йиппарбуц, Ӏаждарбуц, динберг, чом-буц... И тӀаьххьарлера буц дегӀаца хилча, стаге муьлхха а дуьхьало йохало бохуш, дуьйцуш хабар а ду халкъан.

Ша-тайпа оьздангаллин барам бу нехан шовданашца, догӀучу хишца, Ӏаьмнашца йолчу юкьаметтигашкахь. ХӀора юьртахь а хуьлуш хилла шовданашна доладеш, керла гучудаьллачу хьостанна гонаха керт еш, хи

схьадалихта чорге я бирга юьллуш, маьхза юкъяра белхаш беш нах. Дукха хьолахь оцу шовданна цунна дола дечу стеган цѐе туьллуш хилла: Эдалан шовда, Гамин шовда... Шовданийн а, догӀучу хийн а, Іаьмнийн а йистош цѐна латто еза, церан хиш чохь боьха хІумнаш йитта магош дац. Цунах лаьцна дуккха а шира дийцарш а ду нохчийн фольклорехь. Царах цхьаь иштта ду. «Іамкѐе олучу цхьана кІотарахь цхьа Іам хилла. Цу Іоман хи чІогІа цѐна а, дарбане а, деза а лоруш хилла. Цу Іамкѐахь Іачу цхьана оьзда йоцчу зудчо берийн боьха хІумнаш йиттина цу хийистехь. Цул тІаьхьа и Іам, сту а хилла, болабелла ГаланчІожний, Ялхарний юккѐехь лаьтташ болчу ломах цхьа церг а йоккхуш, ГаланчІожа охьабѐьна. Цунах Іамбедача олу. «Іамбедача» бохург «Іам бедда меттиг» бохург ду. Бобдуш, цхьана майдана йисте кхачна сту. Цу майданахь шайн-шайн ардаш охуш нах хилла. Иза майдана хьалабаьлча, цхьана доьзална гина. Дас-нанас, и сту дІабожа беза, вайниг гІелбелла аьлла. Шина бѐро, ма божа, нехан бу и боххушехь, дас схьа а лаьцна, дІабоьжна и сту. Старо ког баькх-баьккхинчохь хи долуш хилла. Цо кхозлагІа гуо боккхуш, баша а бешна, Іам хилла цунах. И сту дІабожа аьлла дай-наний, готий чу а дахна, ши бер юьстах а кхуссуш. ХІетахь хІоьттина и Іам хІинца а болуш бу. «ГаланчІожан Іам» цѐе тиллина цунна». ХІокху жимчу дийцарехь доккха маьІна ду. Цкѐа делахь, хиш бѐхдан ца дезар а, и динарг цхьа бекхам боцуш вуьсург цахилар а; шолгІа делахь, шен доцучу хІуманна тІекховда мегар цахилар а, кхевдича, Дала иза цхьа бекхам ца беш цадитар а.

Вай дийцинчух терра дийцар Нихала уллохь лаьттачу тІулгах а ду. Оцу тайппана боьха хІумнаш йиттина аьлла, цигахула охьадоьду ахк, ломал дѐхьа а даьлла, кхечухьахула охьаѐха доладелла, ткѐа и динчу зудчух хилла тІулг хІинца а лаьтташ бу.

Нохчийн барта кхоллараллехь хишца, Іаьмнашца доьзна хѐкѐале дийцарш дуккха а ду. Иштта, Хьачара юьртана лакхачь ломахь цхьа Іам бу бохуш дуьйцу. И Іам дикчу стагана бен ган йиш йолуш бац, вуон стаг, кѐинош долу стаг тІевѐьча, иза лаьттах кѐайлаболу боху. И дийцар, хетарехь, цІунийн (Іесачу) динан заманера дисина ду, хІетахь вайнаха деза-сийлахь лобруш хилла цхьадолу лаьмнаш а, Іаьмнаш а, хьуьнан хотеш а, царах дуйнаш а дууш, чІагІонаш а еш... Цул сов, ша латта а хилла деза а, ларам бан безаш а. Масала, магош ца хилла лаьттах эрна дечигаш еттар, хьостамий деттар, оьрнаш дахар. Лаьтта тІехула волавалар а, и лазор долуш санна, дай, лерина хилла оьздачу стеган, «Мел тІаьхьа а, хьан кийра дІаван дезаш ву-кх со а», бохучу ойланца.

Ткѐа лаьттана беш болу уггаре а боккха ларам – иза цу тІехь хьанала кѐахѐегар ду. Цхьана хѐнахь латта, ша дІаден деза хан тІекхачьча, оре бѐьна етт санна, Іоьхуш хилла боху. Амма и лаьттан цІогІа дукха чІогІа хиларна, нах Іадош а, вуно кхералуш а хилла. Цундела Дала дихкина боху лаьттана Іахар.

Ялта дІа ца дуьйш дѐса, я ялта дІа а дийна, асар ца деш латта дитар доккха эхь хилла; эхь хиларал сов, иза кѐа а лоруш хилла. Асарх цІан ца деш, ялта дийна шен урд дІатѐсначунна лоллар югІуш хилла лаьттах хьокха а тухий, цу тІе асар а дуьллий, мунда еш. Хьалха заманахь, кхо буьртиг дІабелла долу латта дІа а ца дуьйш, ХьаьжцІа ваха а бакѐо яц олуш хилла нохчаша. Іилманчас Хасиев Сайд-Мохьмада дийцарехь, ХьаьжцІа ваха ваьлла цуьнан дененан да ворхІазза вухавѐрзийна юьртахоша, цо цхьацца кхочушдан деза цуьнан декхарш дуьхьал а детташ, царах цхьаь хилла цо, ялта дІа а ца дуьйш, дитина цхьа масех метр хиллал латта. И дерриге а декхарш кочушдинчул тІаьхьа, бархІолгІа шо доладелча, ХьаьжцІа ваха аьтту баьлла оцу стеган.

Лаьтта тІехь хьанала кѐахѐегар нахана марздѐш, цуьнан мах беза буйла хоуьйтуш, тайп-тайпана дезѐнош цІайш хилла вайнехан. Царах цхьаь ду харш тосу де. Иза Іай, бІаьстей кѐаьстинчул (март бѐгтан 23 де чѐкхдаьлчул) тІаьхьа ши кІира даьлча билгалдоккхуш хилла. Оцу дийне хьаьжжина хир ду шеран ялта а, тІедогІу шо а бохуш, чІогІа лерина кѐчам беш хилла цунна. Хьалххе кѐчѐш хилла дуьхьѐара харш тосуш, бІал боккхуш

дѣадаха деза стерчий дузош, цѣндеш, цѣран маѣийн баххех хѣакхар хѣокхуш, довхачу хица лийчош. Иштта лерина кечдеш хилла нох а. И де арара ло дерриге дешна далаза, шийла хилахъ а, я малх кхетта, якѣаелла, йовха хилахъ а, йочане-йѣоккхане хѣаьжна доцуш, билгалдоккхуш хилла.

Гота дѣайолош, стерчийн юьхъ лаьцна дѣаваха веза стаг юьртахъ шен ѣздангаллица, хѣанал вахарца, гѣиллакхца, бусалба динехъ доьзал кхиош хиларца кѣастош хилла, юьртахойх массо а реза а волуш. Иза доккха, сийлахъ хѣума а хилла. Хаьржинчу стага сту буьйш хилла юьртана хиндолчу ялтина а, шен доьзална а тѣра сагѣйна. Гота яхале хѣалха оцу хаьржинчу стага хѣу тосуш хилла. И хѣу цуьнга дѣалуш дин лелорца, ѣзда а, кѣинхѣегамна тѣра а, беркате а хиларца билгалѣьялла зуда хилла, наха хаьржина. Иза боккхачу доьзалан а, хѣанала вехачу кѣонахчун хѣусаман а, кхерчан а, цѣран а нана хуьлуш хилла. Дукха жима а йѣоцуш, дукха кѣена а йѣоцуш, гѣеметта хѣѣттина зуда. Оцу зудчо шен канашца схѣаѣоьцуш хилла ялтин хѣу, шен куьйгѣин беркат, йовхо оцу хѣуьнан буьртигашка кхачош. Таккха «бисмилла» а доккхий, Деле хѣийкѣйна ялта кхийтар доьхуш дешнаш олий, хѣу и дѣатосучу стаге дѣалуш хилла. Цо а, иштта Дела а хѣахавой, Делан цѣарца дѣадолош хилла хѣу тасар. Цул тѣаьхна гота дѣайѣоьдуш хилла. Нахаран баьлчаш лаьцна лаьтгачу стагана тѣеюьйхина харцахѣа яьккхина кетар хуьлуш хилла. Оцу кетаран чѣоьш санна, луьста, хѣийкѣйна ялта хилиьта бохург ду иза, ткѣа иштта вочу бѣаьргах и гѣуллакх лардаран Галашонца деш а ду.

Нох шозза дѣадахца, готанан хорша чу, кхузза шура а тухуш, етт оза безаш хилла. И етт оцу дийнахъ арабаьккхинчу юьртан бажана юккѣера хилла, шуьрина а, эсанна а дика а болуш, тѣаьхѣе а кхуьуш, беркате етт. И узург дѣадуьйш долу хѣу кечдан наха билгалѣьяккхина ѣздачу доьзалан нана хилла. И шура аьхначу лаьтга ѣзаран маьйна а цу лаьттан беркат совдаккхар, и латта хѣандар, дѣадийна хѣу хѣийкѣйна кхийтар ду.

Харш тосу де я бѣал тѣекѣел боккху де цѣай хиларе тѣра, оцу дийнахъ тайп-тайпана кѣийсадаларш хуьлуш хилла, говраш хохкуш, я хѣалха бовларех бовдуш (бовдуш болу кегий нах когаш Гуьйра хилла), я кхин тайпа хуььнарш гойтуш. Царах цѣхѣа кѣийсадалар иштта хилла. Харш тосучу денна лерина мекхан демах дина гѣеххѣа долчу теккхал доккха чкѣург хуьлуш хилла.

И чкѣург гота аьхначу цѣхѣана стеран маьлаьх дѣауллаш хилла. Жимчу стага ведда воьгуш, саца а ца соцуш, уллохула тѣехѣэккхашехѣа оцу чкѣургах катухуш хилла. И цуьнга ца дойтуш, чкѣург лардеш, иза маѣи тѣехула хѣалий, охѣий идош (иза маѣел лакхадаккха йиш ца хилла), хехо хуьлуш а хилла кегийчу нахах цѣхѣаь. Оцу чкѣурган цуьргаш дийнна шарахъ лелош хилла, иза кертахъ хилча беркат хир ду, и чу тесна хи а дарбане ду бохуш, ца кхѣаьнчунна дакѣа а деш, совгѣатна а луш. Дуккха а хѣалха, тахана вайна тамашийна хетар долуш, кхин цѣхѣа гѣиллакх а хилла вайнахана юккѣехъ. Оцу дийнахъ юьртахъ ѣздангаллица, хазаллица цѣеяхначу йѣла цѣе тухуш хилла ша доьзал кхолла реза йѣолчу кѣантана. И кѣант тѣетайча, керла доьзал кхоллалуш хилла оцу дийнахъ. Доьзал кхоллар, ялта дер, доьзалан хѣу тасар, ялтин хѣу тасар ший а цѣхѣабосса сийлахъ, цѣхѣатѣра жѣопалле ларар ду цуьнан маьйна. Нагахъ реза ца хилча, цѣе тоьхначу кѣанта и йѣл йѣолчу ден цѣийнан утармех сту дѣабехка безаш хилла, харш тосучу бахана нах цѣаберзале. Шен реза цахиларан, йѣлаьх цавашаран мах бу цо луш берг.

Тѣехуьу тѣаьхѣе кѣинхѣегам безаш кхиоран, ткѣа иштта шайн юьртахѣочунна халчу балха тѣехъ гѣо даран Галашонца вовшахтухуш хилла белхеш (белхи). Тайп-тайпана белхаш кхѣочушбеш хилла гулбеллачу наха: хѣаьжкѣаш тилош, тѣаргѣа кѣаьжбеш, цѣеношна поппар хѣохуш, мангал хѣокхуш, и. дѣ. кх. а. Белхеша, вай хѣахийначу гѣуллакхел совнаха, кегийрхошна вовшийн довзаран, ѣзда самукѣадаккхаран Галашо кхѣочушѣеш а хилла. Цѣхѣаболу белхи синкѣераман дуьхѣа беш хилла, болх бахѣана а долуш; вуьйш белхи (кѣаьсттина

поппаран белхи) коьртаниг болх а болуш, ткъа синкьерамо иза дика а, сиха а кхочушбарна аьтто беш хилла.

Белхешна масех де хьалха кечам бо. Масала, ценош хьаха белхеш вовшахтухуш, хьалххе поппар бо, юучуьнца кхачо йо, вотанча, пондарча кхойкху. Белхи дахьош мехкарийн терго еш билгалйоккхий зуда хуьлу, божарийн гуллакхе хьожуш а цхьа стаг хуьлу. И шиь оьшуш ду, белхий берриге а синкьераме а бирзина, бан лерина болх кел ца бисийта, низам латто.

Оцу тайпанчу белхешкахь беа болх (поппар белашца схьабаккхар, экханаш тлехь иза дакхехьар, тхов тле хьалабалар...) божарша кхочушбо. Ткъа зударша и поппар вовшашка кар-кара луш, дахьохучаьрга дакхачабо. Хора жима стаг шен ойла лаьтгачу йоана белаца поппар боккхуш, аьтто баьлча, вистхуьлуш, бегаш беш, кьинхьегама тлехь каде хьийза. Мехкарий балхана мелла а юхаййзалуш хилча, церан тергам бечу зудчо шен карара сараг я нитташ бетташ, балха юкьатоьтту уьш. Къаьсттина юхаозало мехкарий поппаран юкь ца йолош, и йолийначуьн марнана лийр ю бохучу халкьан забаро юхакьехкабо уьш. Амма и тешам чоьга бацахь а, я марненах къаьстар ца ладаллал доккха вуон ца хетахь а, дукха хьиз ца йолуьйтуш, поппаран юкь йолайо нитташа я сараго тлечехочу мехкарша. Болх юкьа-кара саца а бой, вота а тухий, пондар а локхий, хелхарш до. Амма уьш дукха дах ца долуьйтуш, хелхарийн шовкь балхана тлеерзайо белхи дакхохьбучара. Поэтана Арсанукаев Шайхина иштта гина поппаран белхи:

Ловзар дац хьойттинарг лулахойн кертахь,
 Белхий бу, белхий бу поппаран белхий.
 Ерриг юрт гульелла кху уьйтла бертахь,
 Цкъа болх бо, забаршца, хелхарш до, боьлхий.
 Вота а кхиссало, клажьоьху пондар,
 И хала болх хета тахана атта.
 Мехкарша, хи детташ, кечбо шайн поппар,
 Кегийнах, кьийсалуш, охкуш бу латта.
 Чекхдевр ду и ценош тахханехь хьаьхна.
 Я болх а лаьткъар бац цхьанна базбелла...
 Лаьмнашкахь даима нах ишта баьхна,
 Хораннан йиш йолуш хора неI елла.
 Ловзар дац хьойттинарг кху кертахь йуьйре,
 Белхий бу, белхий бу поппаран белхий.
 Вуьсур вац юьртахо, текхачча гуьйре,
 Тхов боцуш – юьртахой баьхкина белхех!

Белхи, ценош хьаьхна довлалц, эшахь, маьрклажан хан хиллалц, бахлуш хилла. Белхи даьбирзича, ценойин дас: «Дела реза хуьлда шуна, доккха гуллакх дин аша, Дала мел яздойла аша хьегна къа!» олу. Вукхара дуьхьал жоп ло: «Дала беркате, ирсе хлусамаш йойла! Дела реза массарна а хуьлда!» Иштта даьбоьрзу муьлхха а белхи а. Вай кхузахь мел дийцинарг хайбанашка, акхарошка, дитташка, бецашка, хишка, лаьмнашка болу лерам, цаьрца лелон еза кьинхетаме юкьаметтигаш чулоцу «Даймахке безам» бохучу дешнаша. Хетарехь, цхьана нохчийн кьомах болчу нехан бен дац, ша дуьненан муьлххачу маьлехь вехаш велахь а, шен каш Даймахкахь хила сел чоьга лаар. Цундела нохчийн гуллакх ду муьлхха а нохчо и шайн накьост велахь а, я вевзаш вацахь а кхелхинчул тлаьхьа ша винчу махка ца кхачо гортар. Дай баьхна латта деза хетаран барам лаккхара хиларан билгало ю иза.

«Дай баьхна латта. Дуьхьара цхьана бляьстенан малх кхетгачу дийнахь девза иза. Оцу маьлхан зляьнаршца, зазадоккхучу бешаца, нуй хьаьхна къагийначу уьйтлеца, боргалийн кхайкхарца... Девза ненан хьаьстарца, ден

хъехамца. Денна а хазло иза, маълхан догІанаша лийчош, баьццара бай болуш. Иза кьона а, хаза а хета. Эшарш ека хотешкахь. Ахь тІаьхьара олу.

Хьо хьаьддий, веддий лела, цкъа дІо орца волуш, тІаккха Іин чу вуссуш. Хьан хазахетар, лоппаг санна, эккхий дадоьду аьхкенан малх хьаннаш тІе лахбеллачу хенахь. Хьуна дахар кьахьдо безачарах кьастаро. Дерриге а хьалха санна ца хета – вада лаьа. Дуьненан маьПе вала. Амма и лаам кхочушбича, хьан хьераваллал сахьаьвза хийрачу махкахь. Хьо водий, юха а цІа кхочу. Хьо кхета: мел баккхий баланаш, гІайгІанаш тІехлиттарх, кьаста йиш яц хІокху лаьттах, кхуьнца хьо хазахетарша санна вузу баланаша а. Кьаьхьа а, мерза а хиларх, хьан лагта ду хІара. Кху лаьтгаца ийна хьол хьалха мел баьхначеран даьІахкаш, ойланаш, гІайгІанаш, хьацар, цІий...» («Сатоссуш, седарчий довш», Грозный, 1986). Даймохк иза цхьа лаьмнаш, хиш, аренаш хилла ца Іа. Даймохк иза уггар а хьалха хІокху лаьттан адамаш ду, церан вовшашца йолу оьзда юкьаметтигаш, гІиллакхаш, марзонаш, баккхийчеран хьекьал, Іеламнехан беркате серло, кегийрхойн доьналла, мехкарийн оьздангалла, нахана юккьера нийсо... И дерриге Далла дукхадеза гІиллакхаш хІокху лаьтта тІехь латто, дебо, кхион гІергаш адамаш хиларо марздеш хилла нохчашна хІара латта. Амма уьш лардеш ца хилча, Даймакхе, лаьтте марзо а шелло, и кьахьоне йоьрзу. Иштта заманаш а яьхкина вайн махкахь. Масала, Кавказан тІом чекх а баьлла, нохчийн мохк оьрсийн паччахьан олалли кІел бахана зама. ХІетахь дуккха а нах кхечу мехкашка дІакхелхина. Амма шайн дахар кьїэн я хьоле нисдаларх, цкъа а шайн Даймакхе болу сатийсам, безам дегнашкахь гІел ца белла церан.

Иштта хьал хІоьттина вайнахехь махках даьхначу хенахь а. Хийла дас, ша леш, уггар а чІога сатеснарг Даймехкан шовданех цхьа кьурд бар, башлаьмнийн кортойх цкъа бІаьрг тохар, юьртахойн кешнашкахь лаьттах вахар... ТІаьхьа, цІадерзар маьршадаьллачу хенахь, хийла стага, шен ден я ненан тІаьхьара лаам кхочушбеш, церан даьІахкаш цІа а еьна, Даймехкан лаьттах йоьхкина меттигаш а нисьелира. Нохчийн поэташа тайп-тайпанчу дешнашца бийцина Даймакхе болу безам. Мамакаев Мохьмада:

Хьан бах хьо, сан Даймохк, яханчу хенахь
Йоза а хьайн доцуш, бІарзбелла баьхна?
Кьийсамо аьгначу хьан тІулган белшахь
Гуш ду-кха яздина сан дайшка кхаьчнарг...

Мамакаев Іарбис:

ДІатийнчу кондарийн варшашца кхелина,
Сирлачу шовданийн хьесашца ерина,
Сан дагна дукхаезна Даймехкан аренаш,
Шул мерза хІун хир ду яхь йолчу дагна!

Айдамиров Абузара:

Бераллехь со хьоьха
Кьаьстинчу хенахь,
Суо жима бер долуш
Ас ма биттара,
Карий хьо ас дагахь
Латтийнчу суьртахь,
Сих-сиха гІенаха
Суна ма-гарра.

Сулейманов Ахьмада:

Даймахкера безам гайта,
 ДоттагИий, аш таро ло,
 Цуьнан дуьхьа муха вега,
 Муха ле ас гойтур ду.

Дикаев Мохьмада:

Сан дай баьхна латта,
 Сан ирс долу Даймохк,
 Хьох кьаьстина, догдиллина
 Іалур ца хиллера.

Даймахкана шен дахар дІадала кийча хилар хоуйтуш, дош ца олуш наггахь а нохчийн яздархо висна а хир вац. Кхузахь билгалдаккха деза, Даймахке болу безам, ша «Даймохк» боху кхетам дуьненчохь мел йолчу мехаллел лакха хІиттош маьІнаш а нисло цхьаболчу яздархойн йозанашкахь. Иза, хетарехь, вайн махкахь еххачу хенахь лаьттинчу Іедалан харцидеологин тІелаткьам хила а тарло. Амма иза доккха философски гІалат ду. Дуьненчу Дала кхоьллинчу стагана оцу Далла гІуллакх дарал деза цхьа а хІума хила йиш яц, и ду стеган дахаран маьІна а, цуьнан уггар сийлахь Іалашо а. Цул тІаьхьа латта деза Даймохк, халкъ, цаьрга болу безам, церан хьашташка хьажар.

Махке болчу безамах лаьцна дуккха а дийцарш а, кичанаш а ду нохчийн барта кхоллараллехь. Иштта, цхьана хабарехь дуьйцу.

Цхьана стага мохь тоьхна хилла массо а акхарошка а, дийнаташка а, ша цІе таса воллу кху махкахь, кху махкара дІадовла аьлла. Кхано, цІе яьгна яьлча, оцу стагана гина, цІаро бага а бина, бала бетталуш Іуьллу текхарг. «Ас мохь тухуш ца хезира хьуна?» хаьттина оцу стага текхарге. «Хезира, аьлла текхарго, суо бинчу, кхиинчу махках а баьлла, хийрачу махкахь бехачул, сайн цІахь балар гІоле хийтира суна». Текхаргана а ша бина, кхиьна латта оццул дезаш хилча, кхетам болчу адамашна сел чІогІа иза дезарх, тамаша бойла а дац. Цунах ду хІара кица а: «Нехан махкахь эла хуьлчул, шен цІахь лай хилар гІоле ду».

ТІаьхье хир ю

Лидия Довлеткиреева

Концепт-стереотип как способ фиксации в языке национального характера

В последние годы особую актуальность в свете глобализационных процессов, которые происходят в мире под влиянием различных внешних факторов (политических, экономических, военных, научно-технических), приобретают исследования в области культурологии, этнологии, этнолингвистики и других смежных дисциплин, касающиеся выявления специфики различных культур, их идентификационных признаков, а также точек пересечения, казалось бы, параллельных прямых. Подобные исследования поддерживают и научно обосновывают кажущуюся провальной идею многополярного мира (в связи с «конфликтами культур», возникающими между европейцами и беженцами из мусульманских стран и приобретающими все чаще уродливые формы агрессивного протеста против всего «чужого»).

Наибольший интерес представляют, на наш взгляд, работы, в которых обосновывается влияние языка на формирование национального характера. Как известно, становление личности происходит под воздействием языка, на котором говорят окружающие, и культуры, в которой он пребывает с рождения. «Человек не рождается ни русским, ни немцем, ни японцем и т.д., а становится им в результате пребывания в соответствующей общности людей. Воспитание ребенка проходит через воздействие национальной культуры, носителями которой являются окружающие люди». [2:25]

Обычно индивид не осознает, какие инструменты участвуют в «лепке» его национального сознания и поведения. Родители не всегда внушают своим детям азбучные этнические истины прямым путем, объясняя, что хорошо, а что плохо, как надо поступить в той или иной ситуации, а как не надо... Ребенок усваивает нормы поведения, характерные для данного общества, наблюдая и подражая, этот процесс чаще всего происходит неосознанно. Львиную же долю этноментальной информации он впитывает посредством языка, который, по Гумбольдту, и есть хранитель духа народного. Один из способов хранения этого «духа» – концепты-образы, аккумулирующие наиболее значимые для данной нации нравственно-этические установки в символической форме, с их помощью выстраивается языковая картина мира.

О наличии подспудных смыслов, глубокое наполненности концепта можно судить по тому, как художники слова используют эти важные этнические реалии в своих произведениях. Русская березка во многом благодаря творчеству С. Есенина устойчиво воспринимается во всем мире как символ России и ассоциируется с чистотой (белизна ствола), хрупкостью (тонкие ветви), нежностью, беззащитностью, невинностью и т.д. Многие концепты фокусируют стереотипные представления о том или ином народе. «При всем своем схематизме и обобщенности стереотипные представления о других народах подготавливают к столкновению с чужой культурой, снижают культурный шок». [7: 172]

Сравним для наглядности русские, французские и чеченские стереотипы, выявленные путем эксперимента на занятии по этнолингвистике со студентами 2 курса магистратуры по специальности «Филология» Чеченского государственного университета.

Им были предложены слова-стимулы, являющиеся категориями. Возникшие ассоциации были зафиксированы нами как стереотипные в случае повторяемости у большинства испытуемых.

Категории подобраны исходя из мнения Г. Гачева о том, что «каждый народ остается самим собой до тех пор, пока сохраняется особый климат, пейзаж, национальная пища, этнический тип, язык... – ибо они постоянно

подкармливают и воспроизводят национальную субстанцию, особый склад жизни и мысли». [3:32]

В категории «фрукт» русским названо яблоко, французским – виноград, чеченскими – дикая груша, айва, кислая слива.

Действительно, яблоки – самые любимые в России фрукты в силу природных условий. В христианской православной традиции этот фрукт находится в центре одного из важнейших праздников – Яблочного спаса – Преображения Господня. С яблоками связаны различные поверья (якобы в раю ими угощают детей, поэтому многие родители, потерявшие своих деток, носят их на могилку), традиции, народные гулянья, ярмарки. Спасовским яблочкам приписывают волшебные свойства, в том числе связанные с исцелением, исполнением желаний и т.д.

В русской народной кухне популярны моченые, печеные, сушеные яблоки, пироги с яблочной начинкой, яблочное варенье и другие блюда, компонентом которых является этот фрукт.

Яблоки, таким образом, являются символом преобразования, очищения – духовного и физического, здоровья нравственного и телесного, гармонии души и тела. В поэтической культуре русского народа эту нагрузку несет не столько плод, сколько яблоневое дерево в цвету, которое является традиционным образом русской лирики. Федор Тютчев, Андрей Белый, Сергей Есенин, Игорь Северянин, Иван Бунин, Владимир Набоков и многие другие поэты в индивидуальной творческой манере обыгрывают, дополняют различными оттенками национальные смыслы этого концепта. К примеру, А. Белый называет их «цветы забвения болезней и печалей... цветы нового дня». [10]

Не случаен и тот факт, что в русской пословице «Яблоко от яблони недалеко падает» фигурирует именно этот фитоним, а не груша, вишня, абрикос или что-то иное.

Ассоциация Франции с виноградом (притом, что это ягода, а не фрукт) объясняется культурой виноделия, которой славится страна, являющаяся родиной многих сортов этой сладкой красавицы: Каберне, Шардоне, Совиньон – напитки из этих сортов получили такие же названия.

Наши стереотипные представления об изысканных манерах, тонком вкусе, подчёркнутом аристократизме французов отчасти сформированы двумя взаимосвязанными национальными концептами «виноград – вино».

«Вино для французов является национальным достоянием, так же, как 360 сортов сыра и ее культура», – пишет в своей книге «Мифологии» философ Ролан Барт. [11]

Все участники эксперимента были чеченцами по национальности, этим, возможно, объясняется развернутый «веер» лексем, предложенных в качестве национальных концептов как реакция на отдельные слова-стимулы.

«Чеченскими» фруктами в смысле ментально маркированной семантической нагрузки названы дикая груша, кислая слива и айва. Эти плоды растут в чеченских лесах. Необузданность темперамента, свободолюбие выражает эпитет «дикая» (некультивированная), именно в такой коннотации мы встречаем употребление данного образа в чеченском фольклоре и художественной литературе в творчестве писателей разных поколений: народно-эпических песнях илли, романе А. Айдамирова «Молния в горах», рассказах М. Бексултанова, повести М. Ахмадова «Дикая груша у светлой реки». [5]

Обратим внимание, что и слива сопровождается ее характерным признаком: вряд ли можно считать совпадением, что чеченский язык склонен к уточнениям и описаниям в этих случаях: кислая, значит, тоже некультуренная, природная, естественная, растущая на воле, а не по прихоти человека. Конечно, и в садах выращивают такие сорта сливы, но словосочетание «мьюста хьач» («кислая слива») подразумевает, прежде всего, дикорастущую в чеченских горных лесах сливу. Интересный природный феномен, подтверждающий нашу мысль: сливовое дерево относится к домашним породам, в диком (одичалом) виде растет только на Кавказе! [12]

И, наконец, айва. В рассказе современного чеченского писателя С. Мусаева этот фрукт в сознании маленького спецпереселенца ассоциируется с Родиной, Кавказом. Такой выбор образа является удачной авторской находкой, продиктованной этнической ментальностью. До сих пор в этом национальном концепте содержатся отголоски языческих верований. Малышу от слеза надевают на ручку «лаг» – веревочку с кусочком айвовой веточки. И хотя в самом рассказе нет упоминания об этом устаревающем под влиянием мусульманской культуры обычае, в восприятии читателя-чеченца он неосознанно присутствует так же, как, видимо, и в авторском мировидении, которое подтолкнуло его именно к этому яркому символу. Главный герой новеллы – мальчик Мовли, лет, может быть, пяти. Айва, которую он никогда не видел, но о которой ему рассказывала мама («Настоящим раем был наш Кавказ»), приходит во сне, в мечтах о родном крае. В тяжелых условиях выселения ребенку предстоит бороться за жизнь, за сохранение своей чеченскости. Не оберег ли айва из его ночного видения поможет ему в этом?

В категории «растение» русскими были названы гречка, фасоль, петрушка, укроп; французским – шпинат и все виды зелени, чеченскими – кукуруза, черемша.

Любимая в русской кухне гречка, по свидетельству эмигрантов, во Франции в магазинах вообще не встречается. Зеленая и фасоль характерны и для французской кухни. А вот блюда из кукурузной муки, которая в чеченских семьях издавна считается основой здорового питания и многие национальные блюда готовятся из нее (сискал – кукурузная лепешка, ахьаран галнаш – галушки из кукурузной муки, ахьаран худар – каша из кукурузной муки), не так широко представлена в русской и французской кухне. Чеченские бабушки настоятельно рекомендуют своим невесткам в качестве блюда первого прикорма давать малышу кукурузную кашу, чтобы он рос здоровым и сильным.

Блюда из черемши обязательно присутствуют в период ее созревания ранней весной на столах в каждой чеченской семье. Рынок переполнен черемшой с указанием места сбора: шатойская, бамутская, итум-калинская... Они не отличаются по вкусу, но люди отдают им предпочтение по принципу: и я родом из этих мест... Понятие «цIера мичара ву» («откуда ты родом») – одно из важнейших для чеченцев, у которых до сих пор очень прочны родоплеменные отношения. Откуда твои корни? Какая земля питала твою сущность? Горы или равнина тебя воспитали? Поскольку чеченцы живут и в горах, и на равнине, этот момент очень существен в характеристике человека. Притеречные чеченцы – теркахо, например, считаются более мягкими, склонными к компромиссам, в то время как ламаро (лам – гора) отличаются более суровым складом души.

Черемша после долгой зимы питает ослабленный организм полезными веществами, витаминизирует, придает энергии. Она прочно ассоциируется в чеченском сознании с родной землей. Несколько курьезных случаев, связанных с этим растением. Моим родственникам, учившимся в Одессе, тетя отправила посылку с черемшой. Источающую пряный, острый чесночный аромат кастрюлю с варящейся черемшой с кухни в общежитии сначала было унесли другие студенты. Но через несколько минут вернули со словами: «Фу! Что за трава?!»

Чеченские эмигранты были арестованы и оштрафованы во Франции за то, что в одном из национальных парков собирали черемшу (она занесена в «Красную книгу»).

Чеченская беженка в Европе, вырвав цветы с клумбы перед своим домом, посадила черемшу.

Эти байки могли бы лечь в основу сюжета рассказа о ностальгии по родине чеченцев, уехавших за границу во время войны в конце XX-начале XXI вв., который, по аналогии с упомянутым выше произведением С. Мусаева, мог бы быть назван, хотя и звучало бы это менее поэтично, «Вкус черемши».

В категории «алкогольный напиток» французским названо вино, русской – водка, а вот с чеченским у студентов возникли затруднения. Первые два стереотипа

вполне обоснованы и понятны. На разных полюсах: страна виноделия с особой культурой выращивания винограда, производства, дегустации и потребления вина (аристократизм, изысканность, вкус французов) и страна, где самогон, самопальное производство водки чуть ли не национальная традиция (простота русского человека, разгуляй-душа). Интересно, что студенты не смогли назвать специфически чеченский алкогольный напиток. Хотя в классической художественной литературе упоминается чаглар – вино, или кемсийн чаглар – виноградное вино, ниха – брага, квас [9: 502,320]. И люди постарше еще помнят эти слова. Очевидно, традиции виноделия не были в дальнейшем развиты в силу исторических обстоятельств: принятие и распространение ислама, Кавказская война...

Из русских национальных блюд самыми частотными словами были блины (славянский обычай масленицы имеет отголоски древних языческих верований, блинчиками, символизирующими солнце, встречают приход весны, устраивая народные гулянья), борщ, щи, окрошка, пельмени; из французских – круассаны, эклер, багет, мясо по-французски, соусы, сыр, французский салат, лягушачьи лапки (последнее отражено прозвищем, применяемым к французам иностранцами – «лягушатники»); из чеченских – жижиг-галнаш (галушки с мясом), члeпалг (тонкая лепешка с творогом или картофелем), хингал (тонкая лепешка в форме полукруга с тыквенной начинкой), названные выше блюда из кукурузной муки и черемши, тло-берам (сметана с соленым творогом), кло берам (острый чесночный соус). Французская кухня отличается большим многообразием (одних сортов сыра более трехсот, множество соусов), сложностью приготовления, в то время, как русскую и чеченскую кухню роднит простота, незатейливость, быстрое приготовление, без особого «колдовства», «магии» и экспериментов у очага. Ни у чеченцев, ни у русских нет культа еды, который свойствен гурманам-французам. Этот факт отражен на уровне языка ставшим интернациональным, французским словом «деликатес» – изысканное кушанье. Однако и чеченцы, и русские отличаются гостеприимством, оно отражено в русских словах и словосочетаниях: «хлебосольство», «встречаем гостя хлебом-солью», «хлебосольные хозяева» и чеченских «хьаша тлeлацар» (особый этикет, регламентирующий прием гостей), «хьешан цла» (обязательная в традиционном чеченском доме комната для гостей), «веза хьаша» (дорогой гость) и др. Щедрость, любовь к шумным застольям, обязательно угощение гостя в русской традиции перекликается с чеченским обычаем накормить гостей сытно и вкусно, зарезав для них барана, курицу, гуся или индюка. Переступив порог чеченского дома, гость полностью доверил себя хозяевам, а, разделив пищу, породнился с ним. Теперь хозяин несет ответственность за жизнь и здоровье гостя. Поэтому даже кровники пытались хитростью попасть в дом к людям, которые их преследуют по обычаю кровной мести, чтобы, разделив пищу и кров, оказаться прощенными непримиримыми врагами. Исторический факт: целые селения во времена Кавказской войны, Гражданской войны подвергали себя уничтожению только по причине того, что не выдавали бежавших из царской армии русских солдат или красноармейцев денкинцам. И дело было не в идейных предпочтениях, а в обычае гостеприимства.

В группе «животное» русским назван медведь, что совпадает со стереотипным представлением о россиянах иностранцев, чеченским – волк, с названием животного-символа Франции у большинства студентов возникли сложности, и лишь один назвал петуха, который, действительно, олицетворяет эту страну, по мнению самих французов, так как отражает главные черты их характера: смелость, гордость, благородство, задиристость, упрямство. Аллегорическое название Франции – Гальский петух, по одной из версий, потому, что французы являются потомками галлов, а в латинском языке галлы и петухи – омонимы – galli.

Русский медведь вызывает у иностранцев ассоциации с необузданной силой, неуклюжестью, неповоротливостью, даже глупостью. В русских народных сказках мишка олицетворяет силу и простодушие. Его легко обвести вокруг пальца, как это делает Маша, сидящая в корзине, которую сам медведь и несет к бабушке с дедушкой, думая, что в ней только пирожки. На Руси еще

с языческих времен существовал культ медведя, так как жизнь большинства славянских народов связана с лесом, а медведь – самый сильный зверь, хозяин лесной. Отсюда изображения медведя на щитах, ладьях, одежде... В медведем рядились на праздниках. Конечно, такое отношение к этому зверю не могло остаться незамеченным, например, заморскими купцами. Россия – большая страна, с очень сложной историей. Мощь ее всегда вызывала опасение соседних, более мелких по сравнению с ней, государств, отсюда, вероятно, отрицательные смыслы, вкладываемые в образ русского медведя. Русские пословицы, между прочим, обоснованность таких страхов вполне подкрепляют: «Медведи – плохие соседи»; «Медведь неуклюж, да дюж»; «Медведь дожидает того, как бы содрать кожу с кого» и многие др. То есть, несмотря на обидный для россиян стереотип, в сознании самих русских людей присутствуют аналогичные коннотации.

Обратим внимание на то, что волк в чеченском микрокосме символизирует свободолобие, непокорность, храбрость, стойкость, мужество. Очевидно, это связано с тем, что волк не поддается дрессуре, страстно любит волю. Известная чеченская эпическая песня «Узам турпала Нохчо» начинается словами: «Когда принесла волчица волчат, / в эту ночь нас мать родила» [8: 250] В одноименной чеченской притче волк – единственное животное, выдержавшее ураганный ветер в Судный день: несмотря на то, что с него была сорвана шкура, он остался стоять. [8: 262] Высшим проявлением ласки от чеченского отца будут слова, сказанные сыну: «Дадийн борз ю хьо!» (Букв.: «Ты волк дады!») Похвала в адрес другого человека звучит так: «Цхьа борз ю хьо!» («Да ты волк!»)

В русском же восприятии волк – это, прежде всего, хищник – опасный, злой, коварный, злопамятный. Поэтому в русских народных сказках он чаще всего изображен в отрицательном свете, порой даже карикатурно. На негативное формирование образа волка в христианской культуре повлияло, возможно, то, что «в Библии он выступает олицетворением хищности и злобы; волк – это злейший враг пастыря, похититель овец, то есть людей как паствы» [6: 59]. Такое диаметрально противоположное восприятие этого образа в чеченской и русской традиции неизбежно порождает конфликт культур. Чеченцы видят в волке то, на что русский взор не обращает внимания, и наоборот.

Большинство респондентов сошлись на том, что цветком, символизирующим Францию, является лилия, многие также вспомнили фиалку, ландыш, розу, русским названа ромашка, и, что удивительно, испытываемые задумались над цветком, соотносящимся в сознании с Чечней.

Французы любят цветы, иначе бы эта страна не завоевала себе право именоваться «империей парфюма». Францию порой называют «страной роз». Она славится своими цветочными селекционерами, всевозможными конкурсами цветов, многочисленными оранжереями, цветочными рынками и магазинами. Помимо роз, это – георгины, ирисы, астры, герань, клематисы, розмарин, лаванда и многие-многие другие цветы. 1 мая празднуется День ландыша, когда вся страна утопает в этих ароматных и нежных цветах, олицетворяющих здоровье и счастье.

Ассоциация Франции с фиалкой, возможно, возникла в сознании испытуемых в связи с известной книгой новелл Андре Моруа «Фиалки по средам».

Ну и, конечно, главным, королевским цветком этой страны является лилия (fleur de lys). Она так и называется «цветок Людовика», «геральдическая лилия», «бурбонская лилия», была символом королевской власти, изображения лилии красовались на флагах и гербах династии Бурбонов. В настоящее время белыми лилиями и розами украшают свадебные букеты.

Возникшая ассоциация говорит о том, что студенты имеют достаточные фоновые знания об истории Франции, почерпнутые из учебников, исторических и приключенческих романов и кинематографии. Одна из испытуемых напела строчку песни из кинофильма «Гардемарины, вперед!»: «Есть в графском парке старый пруд, там лилии цветут».

Русская ромашка тоже не случайный фитоним. По лепесткам ромашки издавна гадают «любит, не любит», этот красивый нежный полевой цветочек, кроме

того, обладает массой целебных свойств, поэтому традиционные ромашковый чай, отвар, настой в русской народной медицине занимают ведущее место. Ромашка символизирует в России семейное счастье, любовь, здоровье. Поэтому один из новых, но полюбившихся в народе праздников – День семьи, или иначе – День Петра и Февронии проходит под знаком этого цветка.

По своей форме ромашка напоминает солнце, древние верования славян характеризует культ солнца, божеств, связанных с солнцем, в различных письменных источниках (летописях, фольклорных текстах) встречается несколько: Сварог, Хорс, Даждьбог.

Другие цветы, названные русскими: василек, колокольчик, лютик, анютины глазки, одуванчик. Как видим, все они – полевые и, как и ромашка, отличаются неприхотливостью, скромностью, нежностью. Слова «ромашки спрятались, поникли лютики» в русской народной песне отражают эмоциональное состояние героини: горечь от расставания с любимым, прощание с ним, тонкие душевные переживания из-за неразделенных чувств.

Если «французские» цветы характеризует утонченность изысканная, аристократическая, даже королевская, то «русские» – утонченность и простота народная.

И, как ни покажется странным со стороны, с названием чеченского цветка возникли определенные трудности. На самом деле, это закономерно: в чеченском разговорном языке на современном этапе развития практически не используются номинаты флоры, для обозначения различных сортов применяется гипероним – цветок. Даже в чеченской песне, в которой иносказательно идет речь о возлюбленной, поется: «Зезаг ду бацалахь лепаш...» («Цветок в траве сияет...») Распространено и женское чеченское имя – Зезаг (букв.: Цветок). Однако это не означает, что видовых понятий, обозначающих различные растения и цветы, нет вовсе. Они встречаются в художественной литературе, в речи представителей старшего поколения, отличающейся большей чистотой, глубиной и первозданностью. Например, з1амза – колокольчик, ишалчай – иван-чай, з1ам – тюльпан, 1индаг1буц – ландыш, лайса – подснежник, пет1ам – мак, шийлабуц – мать-и-мачеха, баппа – одуванчик, у ромашки два наименования в чеченском языке: зазу и к1айдарг... [4] Этими и другими цветами пышно украшена наша земля, но ни одно из названий цветов, тем не менее, не закреплено в сознании как специфически чеченское.

Связано столь скупое языковое представление в лексиконе современного чеченца богатства окружающей природы, буйства красок альпийских лугов и сочных долин с национальным характером и ментальностью: чувства не выражаются открыто, с помощью подобных внешних атрибутов, собирать и дарить букеты, плести венки, пуская их по реке или украшая головы свои и возлюбленных, в чеченских адатах не принято. И лишь в последние годы чеченцы стали перенимать европейскую традицию дарения букетов роз женщинам на особые праздники, причем это характерно для молодых людей, находящихся под влиянием светской культуры. Девушке же, приносящей такой букет в дом, до сих пор приходится придумывать объяснения: мол, подруги, одноклассники, однокурсники, коллеги поздравили. Это покажется несколько диковатым человеку с западной ментальностью, но в чеченском обществе правит такое понятие, как «эхь-бехк» («стыд-вина»): воспитанной, скромной дочери не положено демонстрировать своим родителям, тем более отцу, отношения со своим женихом.

Русским музыкальным инструментом, конечно, названа балалайка (вспомним навязчивый стереотип в восприятии России иностранцами: медведь, играющий на балалайке на заснеженной Красной площади). Чеченский национальный инструмент, прежде всего, дечиг-пондур. Оба инструмента струнные. На балалайке в деревнях балагуры играют шуточные песни, частушки, что демонстрирует открытость, бесшабашность, веселый нрав, широту души, простоту русского человека. Острый на язык, Маяковский называет Есенина в стихотворении «Юбилейное» «балалаечником в перчатках лаечных», намекая

на его крестьянское происхождение и характер, которые городской лоск не может скрыть.

Дечиг-пондур предназначен для исполнения чеченских героических песен илли, в которых воспеваются такие качества, как любовь к родной земле, подвиги во имя народа, мужество, справедливость. Илланча – это певец-исполнитель илли. В классическом романе чеченской литературы «Когда познается дружба» Саидбея Арсанова на основе фольклорных традиций создан образ илланчи Джабраила, который в критической ситуации вмешивается в ход повествования (интересное творческое решение – илланча выступает в роли автора) и помогает главным героям, обосновывая это следующим образом: «Певец народа – совесть народа» [1: 84]. Специфически французским музыкальным инструментом участвовавшие в эксперименте считают шарманку. Хотя изобретена она была итальянцем, но с XVII в. пользуется большой популярностью среди бродячих музыкантов во Франции. К тому же, само слово имеет французское происхождение и соответствует названию одной из первых песен, крутившихся на этом механическом инструменте «Прекрасная Катрин». Шарманка первоначально использовалась, чтобы обучить пению птиц.

Франция богата своей музыкальной культурой и историей: бродячие артисты, менестрели Средневековья и раннего Возрождения (оседлые в рыцарских замках и городах поэты-музыканты), трубадуры, труверы, жанр баллады как текстомзыкальной поэзии также впервые упоминается в рукописях с провансальскими стихами еще в XIII в. Странствующие музыканты использовали такие инструменты, как тамбурин, барабан, флейта, щипковый инструмент наподобие лютни... И все же именно шарманка ассоциируется с Парижем, передавая его атмосферу, которую иностранцы обычно обозначают стереотипными эпитетами (романтическая, богемная) или перифразами (город влюбленных, город художников и поэтов).

Таким образом, посредством концептов-музыкальных инструментов также складывается определенное представление о национальном характере.

Национальная женская одежда: русская – сарафан, чеченская – платье гIабаали, французская – не задумываясь, участники эксперимента назвали корсет.

Русский сарафан носили крестьянки, он отличается простотой, удобством, как правило, сопровождается красивым орнаментом. Интересно, что этимологию этого слова относят к иранскому корню *saraga* – «одетый снизу доверху», то есть закрытый, и первоначально сарафан носили мужчины, он имел форму узкого сверху и распашного книзу льняного или ситцевого одеяния. И лишь в XVII в. сарафан стали одевать женщины. Для ежедневной работы неярких тонов, для праздников – понаряднее. Сарафан имеет простой силуэт, но богатый вид праздничного наряда создается за счет цветовой палитры – радостной, яркой и искусных узоров, вышивки, ленточек, отделки жемчугом и др. Мастерство украшения сарафана передавалось из поколения в поколение. На Руси всегда славились золотые руки женщин-мастериц, отсюда архетипический сказочный образ Марьи-искусницы. Сарафан как разновидность женской одежды перешел и в разряд современной одежды. От народного костюма сохранилось название и основной признак – платье без рукавов.

Чеченское гIабаали – невероятно красивый и сложный национальный костюм: состоит из туники и верхнего платья. До талии оно плотно облегает женскую фигуру, застегнуто на едва заметные крючки и перехвачено серебряным поясом, иногда покрытым золотом, с гравировкой национального орнамента, инкрустированным полудрагоценными камнями (рубином, бирюзой, сапфиром), подчеркивая тонкий стан девушки; юбка платья, свободная и длинная, зрительно придает еще большую стройность обладательнице наряда; грудь девушки украшают серебряные нагрудники; рукав туники облегает руку, а верхнего платья подобен длинному крылу; верхнее платье от талии до пола имеет разрез, показывая нижнюю тунику. В результате во время ходьбы и особенно танца за счет оригинального рукава и развевающейся полы создается летящий, плавный силуэт, девушка напоминает плывущего лебедя. В современную

одежду элементы глабали не перешли, однако чеченские модельеры активно используют форму этого национального костюма, фантазируя над свадебными и вечерними нарядами.

Как видим, национальное платье подчеркивало красоту чеченской (вайнахской, кавказской) девушки, ее утонченность, нежность, возвышенность. Такой наряд в разных вариациях есть у многих кавказских народов.

Корсет, безусловно, не является национальной одеждой француженок, но этот предмет женской одежды стойко ассоциируется с его родиной – Францией. Кроме того, изучая фотографии женской национальной одежды, а во французских провинциях она имеет свою специфику, обнаруживаем, что во многих селениях поверх рубахи с широким рукавом носили корсет, который туго обхватывал талию и живот, стягивая их шнуровкой и придавая фигуре гордую осанку и стройность. Таким образом, во внешности кавказской (чеченской) девушки и француженки эстетически ценилась стройность, тонкая талия. Русский сарафан был более свободен. И эталоном русской красавицы были крепкие, румяные, высокие девушки – «кровь с молоком», вспомним знаменитое некрасовское: «Есть женщины в русских селеньях...»

Итак, посредством сопоставления и анализа концептов, являющихся стереотипной реакцией сознания на тот или иной язык, страну, народ, возможно высветить определенные грани национального характера и ментальности, обнаружить их интегральные и дифференциальные признаки, приблизиться к пониманию иной культурной общности.

Данный эксперимент можно продолжить следующим набором категорий: национальный мужской костюм, обувь, горячий напиток, песня-символ, черта характера, фольклорный герой и т.д. Анализ реакций испытуемых на эти и другие лексемы-стимулы позволил бы значительно расширить наши представления, с одной стороны, о самобытности сравниваемых народов, с другой – о сходстве их мировидения.

Литература:

1. Арсанов С. Избранное. Когда познается дружба. Роман. – М.: Фонд поддержки чеченской литературы, 2009. – 460 с. – (Библиотека чеченской литературы. Т.2).
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М., 1990.
3. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. – М., 2003.
4. Гелагаев С.-М. Дийнатийн а, ораматийн а дуьне (Мир животных и растений). – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2015. – 108 с.
5. Довлеткиреева Л.М. Концепт «дикая груша» в чеченском художественном сознании // Материалы IX Европейской конференции по литературе, филологии и языкознанию, Австрия, г. Вена, 23 ноября 2015. (The Ninth European Conference on Languages, Literature and Linguistics Proceedings of the Conference). 2015. С. 96-103.
6. Полная энциклопедия символов и знаков. / Авт.-сост. В.В. Адамчик. – Минск: Харвест, 2008. – 607 с.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Издательство МГУ, 2008. – 352 с.
8. Чеченский фольклор. / Сост. Мунаев С., Хатуев А. - М.: Фонд поддержки чеченской литературы, 2009. – 371 с. – (Библиотека чеченской литературы. Т.1).
9. Чеченско-русский словарь. / Сост. Мациев А.Г. – Грозный: ФГУП ИПК «Грозненский рабочий», 2010. – 656 с.
10. <http://t-smertina.narod.ru>
11. <https://ru.wikipedia.org>
12. http://www.hutmoy.su/publ/sad_i_ogorod/plodovye_derevja/sliva_alycha_tern_dikorastushhie.

Мухмет Амиров**Долгая дорога домой**

Очерк

Старейшина с. Гойское Алхаст Париев (по паспорту Александр) привык быть везде первым. Одним из первых он отправился на фронт Великой Отечественной войны из с. Хильдехарой Итум-Калинского района. Первым из своих товарищей форсировал Дунай, первым, как старший группы полковых разведчиков, врывался в немецкие блиндажи для захвата «языков».

Он один из немногих чеченцев, который прошел всю войну на передовой от начала до конца без серьезного ранения. Один из немногих своих соотечественников, который сразу после войны сменил гимнастерку на тюремную спецовку «сталинских ГУЛАГов». Один из первых спецпереселенцев, который в конце 1956 г. привез свою семью из Казахстана на Родину.

В то время ему было 35 лет. Однако после 16-летней разлуки родная земля встретила его как чужого. Алхаст устроил свою семью на вокзале Грозного, а сам на такси отправился в Итум-Кале, чтобы в Хильдехарое подготовить дом для семьи. Но дальше Шатоя его не пустили, т.к. от Шатоя начиналась Грузия.

Алхаст Париев

Он был вынужден вернуться и отправиться в другие районы, но нигде на территории Грозненской области его не принимали. Везде мотив был один: «Нет указаний сверху принимать чеченцев». Через две недели Алхаст увез свою семью в Кабарду, где его хорошо встретили и устроили.

Ранней весной 1957 года на телеге, запряженной лошадей, Алхаст через Осетию и Ингушетию привез свою семью в с. Алхазурово. Здесь до войны проживали его родственники. Сейчас здесь, конечно, не было ни одного из них, и не только его родственников, но даже ни одного чеченца. Его появление для новых жителей Алхазурова – дагестанцев и русских – было как гром среди ясного неба. Они с недоверием встретили Алхаста. И те, и другие объединились против него. Никто не предоставил ему и его семье даже временного постоя. После долгих поисков он встретил единственного знакомого среди новых жильцов – Талхада, который владел чеченским языком и когда-то дружил с чеченцами. Даже этот милосердный человек, по воспоминаниям Алхаста, «радовался» его приезду, как он «радовался» бы при сообщении, что у его отца погибли три самых близких родственника (по-чеченски «шен де вала йиш йоцу кхоь велча санна»).

Алхазурово при новых жителях было не узнать. После 1944-го года оно было переименовано в с. Привольное. В чеченских домах проживали дагестанцы и русские. Как правило, одно хозяйство у тех и у других располагалось в двух и даже в трех чеченских домовладениях. Лучший из домов они использовали для жилого помещения, а дома похуже – в качестве сараев и подсобных помещений. Были дома и постройки, которые новые жители разбирали на строительный материал и на печное топливо. Там, где проживали русские, можно было

видеть непривычных для этих мест животных – свиней. Было здесь и еще что-то непривычное, можно сказать, кощунственное: на чеченских кладбищах не было оставлено ни одного надмогильного камня, они были использованы как строительный материал для свиноферм.

Алхаст недолго терзал Талхада своим присутствием. Он, со свойственным чеченцам упорству и трудолюбием, принялся обустроить для своей семьи полуразрушенный и заброшенный дом.

Дагестанцы сначала держали в нем своих ослов, потом разобрали частично на стройматериал. По словам Алхаста, ему пришлось снять метровый слой навоза, чтобы добраться до половых досок. Потом он накрыл крышу, вставил окна и двери, затем перевез свою семью.

За все это время Талхад не скрывал своего недовольства по поводу приезда Алхаста. За каждым его шагом неустанно наблюдали не только соседи, но и «доброхоты» с других улиц. У всех в глазах люта я ненависть, как будто он прибыл, чтобы отобрать доставшиеся им по наследству богатства. Скоро, как и следовало ожидать, неприязнь к Алхасту вырвалась наружу: на него посыпались жалобы. Жители требовали от властей отобрать у него лошадь и телегу, как средства, приобретенные чеченцем для воровства.

Скоро, выполняя требования возмущенных жителей села, Алхаст вынудили расстаться со своей телегой и лошадью. Справедливости ради надо сказать, что сделано это было не совсем грубо. Был произведен своего рода принудительный бартер: колхозу – лошадь и телега, Алхасту – 2.5 тонны урожая. Когда Алхаст обустроивал жилище, никто ему не помогал: ни соседи, ни сельский Совет, ни колхоз. Ему все приходилось делать самому и за свой счет. Даже со временем у проживающих в чеченских домах отношение к Алхасту не менялось. Он был для них как бельмо в глазу или костью в горле, о чем они напоминали ему каждый день.

Проходило время, и возвращение чеченцев домой еще не приняло массового характера. В начале мая 1957 года в селе насчитывалось всего около десяти чеченских семей, и все они, как и Алхаст, были уроженцами высокогорного села Хильдехарой Итум-Калинского района, который все еще оставался для них закрытой зоной. Но и этого небольшого количества вернувшихся на Родину чеченцев было достаточно, чтобы некоренные жители почувствовали угрозу своему комфортному существованию. Стена ненависти, неприязни и вражды между двумя сторонами крепла и возвышалась. Несмотря на свою малочисленность, чеченцы вели себя с достоинством, крепко держась друг за друга.

Тем временем Алхаста, с учетом прибывающих чеченских семей, фронтового прошлого, определенных знаний и крепкого характера, принимают на работу лесником, он становится членом правления колхоза, благодаря чему стал владеть определенной информацией. Вскоре ему становится известно, что жители села усилили поток жалоб во все инстанции, требуя выдворения из села чеченцев. Как потом выяснилось, объем жалоб можно было измерить килограммами. Заодно появились слухи о том, что эшелоны со спецпереселенцами то там, то здесь задерживают и отправляют обратно, что высшее руководство страны пересмотрело свое решение относительно возвращения чеченцев на Родину. Эти слухи воодушевляли поселенцев, в том числе и на насильственные действия против прибывших в село чеченских семей. Керосин в огонь подливала и привычка некоторых безжалостно и безобразно уничтожать местный лес, где лесником работал Алхаст. А валили они деревья с такой ненавистью, как будто перед ними стояли возвратившиеся спецпереселенцы. По словам Алхаста, он однажды не выдержал и выследил колонну из девяти телег, доверху нагруженных лесом. На участке, где они рубили деревья, торчали, словно столбы, метровые пни. Алхаст, не скрывая своего возмущения и угрожая ружьем (как в недавнем прошлом он привел пленных фашистов), доставил всех браконьеров к зданию сельского Совета и заставил выгрузиться. «Они уничтожали этот лес потому, что он был наш»,

– сказал Алхаст. У оставленных Алхастом «лесорубов» давно и тайно зрел заговор против чеченцев, а этот случай приблизил его развязку.

Так уж случилось, что в 1957 году совпали два праздника – День Победы и Ураза-Байрам. По всей видимости, в эту ночь они намеревались устроить для чеченцев ночь «длинных ножей». Организаторы этого своеобразного заговора заранее на трех телегах привезли из леса орудия расправы – длинные увесистые двухметровые колья из лещины.

«Если уьем этих прибывших, то и другие не будут сюда возвращаться», – говорили они между собой. В жестоком избиении и выселении чеченцев из Привольного (Алхазурово) должны были принять участие и земляки браконьеров из других близлежащих населенных пунктов – Нового хутора (Гойского) и Комсомольского (Гой-чу). В том, что власти их поддержат, пусть и негласно, заговорщики не сомневались. А представители власти действительно знали о готовящемся античеченском бунте и ничего не предпринимали. Косвенно это подтверждает то, что находившийся в приятельских отношениях с Алхастом участковый инспектор Алексей Сергеевич, русский по национальности, предупредил его, чтобы вечером 9 мая он был начеку и никуда не отлучался из дома. Однако события пошли по другому сценарию, что привело к их скорой развязке.

Дело в том, что чеченцы были безвинно отправлены в ссылку и лишены всего своего движимого и недвижимого имущества, 13 лет провели в каторжных условиях, потеряли своих близких и родственников, много раз смотрели смерти в лицо. Теперь же, естественно, испытывали обоснованную неприязнь к пришельцам, уютно расположившимся в их домах, присвоившим чужое добро и не скрывающим свою враждебность. На каждое оскорбление в свой адрес чеченцы отвечали горячим обжигающим ударом. На этой взаимно неприязненной почве в центре села 9 мая возник очередной конфликт между чеченцем и дагестанцем. Инициатором выступил чеченец. После того, как они обменялись оскорблениями и взаимными оплеухами, подоспевший чеченец разнял их и увел с собой зачинщика-чеченца. В это время недалеко от места конфликта по случаю празднования Ураза-Байрам в одном из домов собрались взрослые представители всех чеченских семей. Они дружно сидели за праздничным столом. Это были Сайд-Али Адамов, Дакхи Абдурахманов, Сайд-Магомед Бацилов, Сайда Сулейманов, Умар Маликов – всего девять человек. Обслуживали мужчин, согласно традициям, женщины, в числе которых была и сестра Бацилова Сайд-Магомеда Азман, Хеда – жена Дакхи. Через несколько минут к ним присоединились и эти двое чеченцев. Они рассказали о случившемся. Сидевшие за столом чеченцы, не привыкшие к такому исходу конфликтов, были возмущены. Несмотря на уговоры соблюдать осторожность, так как в любом конфликте власти винили чеченцев, многие возмутились и ответили: «Лучше умереть, чем терпеть подобное». Решительно настроенные трое чеченцев быстро вышли из дома и по горячим следам настигли того парня, жестоко избили его и предупредили, чтобы больше не смел на чеченца руку поднимать. Избитый оказался родным братом того самого Талхада, который «приютил» Алхаста. Чувствуя, что эти события могут иметь кровавые последствия, Алхаст по окончании дежурства против сбыта спиртных напитков у продуктового магазина отправился к землякам. Туда же прибыл Талхад. Для него Алхаст был, во-первых, госслужащим, во-вторых, фронтовиком, в-третьих, хорошим знакомым. Было очевидно, что расправиться с другими чеченцами без его участия будет гораздо легче. Алхаст все сразу же понял и предпринял попытку уговорить Талхада уладить все мирным путем, объяснив, что запугать людей, переживших столь суровые испытания, невозможно. Но тот ответил, что ничего не может сделать, разъяренная толпа уже в пути. В это время из дома вышел один из земляков и крикнул Алхасту, чтобы он прогнал этого человека. Таким образом, сами того не ведая, чеченцы ускорили их выступление. Туда, где были чеченцы, спешили крепкие мужики с тремя гружеными арбами. Жители села, будучи в курсе происходящего, ожидали

кровавых событий, спешно закрывали свои двери, калитки. Улицы опустели. Все были уверены, что произойдет жестокая расправа над чеченцами.

В доме, где собрались чеченцы, было девять мужчин и три женщины: Азман, Хеда с грудным младенцем и ее мать Ачи. Никто не догадывался о стремительно приближающейся опасности, пока Алхаст их не предупредил. К этому времени на них в буквальном смысле слова хлынула толпа. По словам Алхаста, их было больше сотни. В час смертельной опасности, грозящей чеченцам, рядом не оказалось ни участкового инспектора, ни председателя колхоза, а председатель сельсовета, который проживал недалеко и видел все происходящее, не только не попытался вмешаться, но, выглянув на мгновение, крикнул Алхасту: «Саша, не вмешивайся!» – и закрыл за собой дверь. Это явилось еще одним свидетельством того, что против чеченцев была подготовлена серьезная провокация. Ведь и увесистые колья были приготовлены заранее еще несколько дней назад. Сначала толпа налетела на арбы и в одно мгновение опустошила их.

Чеченцам приходилось испытывать на своей коже все: от тяжелых прикладов стрелкового оружия до металлических прутьев, лопат и вил. Что касается нападавших, они, вместо ожидаемого страха, заметили в глазах чеченцев ярость и презрение.

Местность, где проходила стычка, представляла собой уклон и слабо расчесенный рельеф, внизу протекала речка Энгелик, а рядом, почти под боком, располагалось здание сельсовета. Многим из сторонних наблюдателей казалось, что нападающие, имеющие почти десятикратное превосходство, забьют насмерть тяжелыми кольями всех чеченцев, но были и те, которые думали, что чеченцы попытаются спастись бегством. Однако увиденное поразило всех. Казалось, что перед сокрушительной лавиной выросла железная скала. Мгновенно, яростно и решительно, засучив рукава, чеченцы встретили напавших, одновременно выкрикивая оскорбления и проклятия в их адрес. Начался ожесточенный рукопашный бой с использованием всего, что попадется под руку.

Яростное сражение какое-то время шло почти наравных. Вместе с мужчинами, как волчица, дралась Азман. Примечательно то, что ни многочисленные свидетели, продолжавшие наблюдать со стороны, ни представители местной власти даже не пытались остановить кровопролитие. В решающий момент Алхаст нанес сокрушительный удар по голове самого рослого из нападавших, что и решило исход побоища. В организованном порядке, увозя с собой своих покалеченных товарищей, они стали покидать поле битвы. На земле лежали четверо серьезно раненных чеченцев. Хорошо зная отношение официальной власти к чеченцам, Алхаст бросился к зданию сельсовета и попросил секретаря вызвать милицию. Та набрала номер телефона, но говорить сама отказалась, и передала трубку Алхасту. Он представился и сообщил, что на чеченцев в с. Привольное совершено нападение. Прибывшая милиция состояла из дагестанцев. Они забрали чеченцев, получивших увечья. Их продержали двое суток в РОВД Красноармейского района, ныне Урус-Мартановского, после чего отпустили. Насилия физического характера по отношению к ним на этот раз не применяли. Не было возбуждено дел и против организаторов и участников конфликта. Помимо всего прочего, связано это было еще и с тем, что чеченцы, ставшие объектом заговора и нападения, считали позором жаловаться властям. Несмотря на серьезные раны, полученные в ходе массового побоища, чеченцы также отказались от стационарного лечения в районной больнице, называя свои раны пустяковыми. Они не захотели предстать перед напавшими на них подлецами в роли пострадавших. Вскоре противоположная сторона конфликта прислала представительную делегацию, в составе которой были уважаемые религиозные деятели, с просьбой уладить дело мирным путем. Согласно традициям и обычаям своих предков, чеченцы нанесли ответный визит. Их хорошо приняли, и две стороны помирились. Начиная с этого дня, некоторые пришлые группами стали покидать село. Происходило это так: днем собирали

все ценное имущество, грузили на телеги, готовили мешки и тюки, а ночью выходили из села. Все, что не могли увезти – дома, хозпостройки – намеренно портили. Например, разбивали оконные стекла, рамы, выдергивали половые доски, двери, разрушали потолок – в общем, не оставляли ничего полезного...

Стоит отметить, что репатриантов постоянно пытались оклеветать, обвинить в том, чего они не совершали. В центре села был большой универсальный магазин, сторожем в котором работал пожилой мужчина русской национальности. Однажды утром сельчане узнали, что магазин ограблен, а сторож убит. На земле, как потом выяснилось, специально были оставлены следы в виде брошенных конфет, печенья, ложек и т.д. Создавалось впечатление, что все это уронили спешившие скрыться грабители. Что интересно, все следы обрывались у домов, где проживали чеченцы. Скоро из Красноармейского района прибыли представители правоохранительных органов. Как ни странно, следователи пошли по пути закона. Несмотря на то, что местное население было уверено в виновности чеченцев, они провели профессиональное расследование, благодаря чему настоящие преступники были задержаны на территории Ставропольского края. У них изъяли часть награбленного, которое они не успели продать.

Несмотря на эти и многие другие подобного рода ситуации, на чеченцев продолжали поступать необоснованные жалобы, повсюду устраивались пикеты и блокировались дороги. Чтобы не пускать в село прибывающих из ссылки людей, «местные» усилили агитацию среди жителей с требованием не уезжать, не освобождать и не покидать дома. Когда и это не помогло, они стали продавать дома возвратившимся хозяевам по завышенным ценам, т.е. чеченцы были вынуждены выкупать свои же собственные дома, но без имущества и подворья.

Такова была реальная картина «счастливого» возвращения чеченцев на свою историческую Родину.

Сведения об авторах и переводчиках

Муса Бексултанов (1954). Народный писатель Чеченской Республики (2005), С 2007 года – главный редактор детского журнала «Стелалад» («Радуга»). В 1977 г. окончил филологический факультет Чечено-Ингушского университета. Член Союза писателей России. Лауреат премии ленинского комсомола (1988 г.), премии журнала «Вайнах» (2004 г.), премии «Серебряная сова» (2005 г.). Произведения Бексултанова переведены на русский, английский, французский, немецкий языки. Печатается с 1980 г. Автор книг «Мархийн кIайн гIаргIулеш» («Облаков журавли белые», 1985 г.), «Юха кхана а селхана санна» («И завтра, как вчера», 1988 г.), «Наггахьа, сайн сагатделча» («Иногда, когда мне скучно», 2005), «Я хьан тухур буйсанна хьан неI» («И кто постучится ночью в твою дверь», 2005 г.) и др.

Муса Ахмадов (1956). В 1979 г. окончил филологический факультет ЧИГУ. С 2004 г. и по настоящее время – главный редактор журнала «Вайнах». Народный писатель ЧР, заслуженный работник культуры ЧР, лауреат премии «Серебряная сова» (2006 г.). Автор 9 художественных книг. Автор учебников, методических пособий и программ по этике и чеченскому языку для школ и вузов. В 2002 г. пьеса «Волки» была издана отдельной книгой на французском языке в Париже и поставлена на сцене театра «Дом восточно-европейской пьесы» (март 2006 г.). В 2011 г. в Швейцарии вышла книга рассказов и повестей на немецком языке «Чтобы свечу не задуло ветром». Произведения Ахмадова переведены также на английский и японский языки.

Хава Гагаева. Окончила среднюю школу в с. Ванавара Красноярского края РФ, Чеченский государственный колледж искусств, отделение инструментального исполнительства (фортепьяно). Пишет стихи (с пятнадцати лет), музыку. Работает в Чеченской государственной филармонии. Участница семинаров молодых писателей и поэтов республик Северного Кавказа: V-го (Махачкала, 2012), VI-го (Грозный, 2013) и др., Всероссийского форума молодых писателей России, стран СНГ и дальнего зарубежья в подмосковных Липках (2013).

Лидия Довлеткиреева. Зам. главного редактора журнала «Вайнах», доцент кафедры русского языка ЧГУ. Журналист, литературовед и критик. Публикации – в республиканской прессе, «Литературной газете», журналах «Дон», «Дружба народов», «Волга XXI век», «Литература Юга России» (Краснодар), научных сборниках Ставрополя, Нальчика, Грозного, Краснодара и др.

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции
журнала. Стоимость полугодовой подписки через редакцию- 330 руб.